

ГАЛА МРОК

ИГРЫ ХИЩНИКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гала Мрок

Игры хищников

<https://litres.ru/73791362>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я оказалась в аду, где богачи ставят на смерть, а оборотни решают, кто доживет до финала. Чтобы попытаться выжить, мне придется переступить через страх, жалость и саму себя. Он... Он убивает ради денег. Он не знает жалости. Его руки обагрены кровью, а сердце давно окаменело. Для него чужая смерть не груз на плечи, а развлечение с отличным денежным бонусом. Способен ли любить тот, кто без труда может вырвать тебе сердце?

Содержание

Дисклеймер	4
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	73
Глава 7	87
Глава 8	94
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Гала Мрок

Игры хищников

Дисклеймер

Имена, места, персонажи и события – продукт воображения автора. Любое совпадение – всего лишь случайность.

Дорогие читатели! Эта история может вызвать у вас чувство страха, отторжения, возбуждения, сочувствия, зависти, возмездия или даже омерзения. Если вы не готовы – пожалуйста, закройте книгу. Ваше психологическое и душевное здоровье важнее.

Список некоторых возможных триггеров:

Ограничение свободы и воли.

Абьюз.

Психические расстройства.

Жестокие игры на выживание.

Нецензурная брань.

Сцены сексуального характера.

Манипуляция.

Серая мораль.

Мифические существа(оборотни)

Извращенные действия различного характера.

Внимание!

Автор не романтизирует и не одобряет всё, что перечислил выше. Он просто рассказывает историю из своего воображения такой, какая она есть.

*

Настоятельно не рекомендую читать эту книгу, если вы падаете в обморок даже от слова «жопы», если для вас секс – это что-то запретное и вообще его не существует, если у вас очень тонкая душевная организация, если вы боитесь крови, если у вас аллергия на оборотней, если вы очень брезгливы, если вы не любите лес и природу и т.д.

Но если вам до сих пор интересно – приглашаю вас погрузиться в игры хищников.

Устраивайтесь поудобнее. Игра началась!

Пролог

Когда человек наконец получает всё, о чём когда-то мечтал – деньги, власть, признание, – жизнь постепенно теряет краски. Сначала деньги дарят ощущение безграничной свободы: можно поехать куда угодно, купить что угодно, окружить себя роскошью. Они дают власть – возможность влиять на других, диктовать условия, получать желаемое по первому требованию.

Но проходит время, и всё это становится обыденным.

Когда можно купить всё, исчезает главное – чувство удовольствия и внутреннее желание чего-то добиваться. Ничто больше не радует так, как раньше. Человеку больше не к чему стремиться, ему больше нечего по-настоящему хотеть.

Роскошь превращается в рутину, а то, что когда-то приносило восторг – теперь вызывает лишь гнетущую скуку.

Скука – вот самая опасная болезнь богатых. Она подкрадывается незаметно, как туман, окутывает сознание, лишает вкуса к жизни. И тогда начинается мучительный, отчаянный поиск хоть каких-то ощущений. Сначала это запрещённые клубы, острые ощущения, риск собственной жизнью. Но и этого становится мало. Адреналин перестаёт действовать, привычные развлечения больше не будоражат кровь.

В какой-то момент элите начинает катастрофически не хватать настоящих, живых эмоций: первобытного страха, за-

паху крови, дикого азарта, ощущения смертельного риска, вида чужой смерти. Они начинают искать эти ощущения всё более изощренными и тёмными путями, потому что всё остальное уже не способно разбудить их онемевшие души.

Тогда и появляются те, кто понимает эту глубинную потребность богачей.

Те, кто умеет читать их опустошенные души, угадывать жажду настоящих эмоций за маской пресыщенности. Они предлагают зрелище, которое нельзя увидеть ни в одном театре. Жестокое, первобытное, запретное. Зрелище, где человеческие жизни обмениваются на огромные суммы денег, а ставки растут с каждым мгновением, как пульс перед смертельным ударом.

Кэдмон Ликос и Дэмиан Ликос – два брата, стоящие у истоков этой мрачной традиции.

Они высшие хищники в мире, где роскошь стала рутиной. Обратни.

Они умело обернули жажду сильных мира сего в свою пользу, превратив её в источник колоссального дохода и власти.

Кэдмон, старший брат, вот уже более тридцати лет курирует это мероприятие. Оно существует как тайный культ: вход передается из поколения в поколение, по строгому отбору. Чужаков здесь не бывает. Только избранные, самые влиятельные, самые богатые – те, кто привык получать всё, чего пожелает. Они собираются в закрытом зале, за толсты-

ми стенами, где нет шпионов и свидетелей, и делают огромные ставки на игроков, жертвующих жизнью ради их развлечения.

К слову, за все годы существования игр ещё ни разу никому не удалось выиграть. Секрет прост: из последнего испытания невозможно выйти живым.

Весь капитал, поставленный богачами на кон, неизменно оседает в кармане Кэдмона Ликоса – и это более чем его устраивает.

Кровавые испытания – не просто развлечение. Они удовлетворяют их глубинную жажду смерти и охоты. Это первобытный инстинкт, вырвавшийся на свободу под маской цивилизованности.

Для этих людей участники игр – всего лишь расходный материал, марионетки. Их судьбы никого не волнуют: они – топливо для костра, поддерживающего огонь в глазах элиты.

И вот наступает долгожданный момент – время ежегодных хищных игр. Скоро начнётся новое представление, где цена билета – человеческая жизнь, а главный приз – удовлетворение самых тёмных желаний.

Глава 1

Кэдмон открывает дверь своего кабинета – та неслышно распахивается, открывая взору не двусмысленную сцену.

Дэмиан вольготно расположился в массивном кожаном кресле. Черная рубашка небрежно расстегнута на груди, обнажая татуировку: оскалившийся оборотень, будто готовый сорваться с кожи и броситься в атаку. Линии рисунка четкие, глубокие, с оттенками серого, черного и красного – словно зверь только что вышел из битвы.

Перед ним на коленях стоит обнажённая девушка. Из одежды на ней – лишь кожаный ошейник с поводком, небрежно брошенным на подлокотник кресла, и анальная пробка в виде волчьего хвоста

Дэмиан крепко удерживает девушку за волосы, задавая темп – резкий, властный, не терпящий возражений. Его грудь быстро вздымается и опадает в такт движениям, мышцы на руках напряжены, вены вздулись. Он внимательно следит за тем, как девушка мастерски ублажает его, полностью подчиняясь его власти.

Верхняя губа Дэмиана чуть приподнята, обнажая белоснежные зубы с слегка выступающими клыками – звериный оскал, в котором смешались наслаждение и первобытная сила. Янтарные глаза горят от удовольствия, зрачки расширены. Каждая черта его лица выражает абсолютное доминиро-

вание.

– Дэмиан, какого чёрта тут происходит? – бесстрастно произносит Кэдмон, делая шаг внутрь своего кабинета. Его голос звучит ровно, но в глубине глаз вспыхивает холодный огонь раздражения.

– Подожди... ещё немного, – лицо Дэмиана искажается от наступающего оргазма. Движения становятся агрессивнее и жестче – он с силой прижимает голову девушки к себе, отчего у той начинаются рвотные позывы. – Да-а-а, блять... – рычит он. Дэмиан кончает, содрогаясь всем телом, пальцы ещё сильнее впиваются в волосы девушки, а дыхание срывается в хриплый выдох.

На мгновение в комнате повисает тишина. Дэмиан медленно отпускает волосы девушки, та отстраняется, тяжело дыша, вытирает рот тыльной стороной ладони. Её глаза опущены, плечи подрагивают – но она остаётся на коленях, не решаясь пошевелиться.

Кэдмон тем временем неторопливо наливает в стакан виски – янтарная жидкость льётся с тихим бульканьем, – опирается о край стола и наблюдает за тем, как девушка встает с колен. Его зеленые глаза бесстрастно следят за каждым её движением.

Дэмиан поднимается с кресла, освобождая место его законному владельцу. Застегивает ширинку, наматывает поводок на руку и бросает, сверкая глазами:

– Хороша сучка, – его губы растягиваются в хищной улыб-

ке, обнажая слегка выступающие клыки. – Кэд, не хочешь расслабиться? Ты слишком напряжен.

Кэдмон не отвечает сразу. Он делает глоток виски, медленно смакует вкус, затем переводит взгляд на Дэмиана и холодно указывает глазами на свое кресло:

– Протри.

Дэмиан резко дергает поводок, заставляя девушку вздрогнуть.

– Вытри! – повторяет он жёстко.

Девушка, не глядя ни на одного из них, опустив голову, сцепив пальцы за спиной, дрожащим голосом спрашивает:

– Чем?

Дэмиан наклоняется к её уху, его дыхание касается мочки, а золотистые глаза сверкают в полумраке комнаты. Он шепчет, почти мурлычет:

– Языком.

Девушка делает шаг вперед, наклоняется, чтобы выполнить приказ. Её спина напряжена, будто она готовится к удару.

В этот момент Кэдмон берёт со стола пачку влажных салфеток и небрежно бросает ее на кожаную поверхность кресла. Звук падения – тихий, но в напряженной тишине он звучит как щелчок кнута. Девушка вздрагивает всем телом.

– Не дрожи, – стиснув зубы, бросает Дэмиан низким голосом. – Не провоцируй вскрыть тебе глотку.

Кэдмон отпивает глоток из фужера, медленно скользит

взглядом по девушке, которая уже принялась тщательно вытирать обивку кресла. Его глаза задерживаются на ее изгибах, на округлых ягодицах, на том, как она старается не издавать ни звука. Оборотень чувствует, как пробуждается его желание.

Он переводит взгляд на брата. Дэмиан несколько секунд выдерживает его взгляд, но затем всё-таки отводит глаза в сторону, подчиняясь своему вожаку.

– Дэмиан, пора вести себя сдержаннее, – Кэдмон достает черный платок из кармана и неторопливо протирает влагу, оставшуюся от салфеток. – Я уже начинаю сомневаться в своем решении дать тебе право в этом году вести игры.

Кэдмон расслабленно устраивается в кресле, откидывается на спинку. Движением головы указывает на противоположное кресло.

– Садись, – бросает он коротко.

Дэмиан с ухмылкой хлопает ладонью девушку по ягодицам:

– Пошла вон.

Та спешит удалиться, едва ли не бежит к двери. Кэдмон провожает её похотливым, голодным взглядом. И когда она уже берётся за ручку двери, он произносит приказным тоном:

– Будь за дверью.

Девушка замирает на мгновение, кивает и выходит, бесшумно прикрывая за собой дверь.

Дэмиан хищно улыбается и резко садится в кресло напротив.

– Шлюха пробудила аппетит, да, братец? – он проводит языком по клыкам.

Кэдмон подается чуть вперед, упирается локтями в стол и складывает руки в замок.

– Дэмиан, мне сегодня снова звонил начальник полиции, – голос Кэдмона звучит ровно, но в нём слышится сдерживаемый гнев. Зелёные глаза строго смотрят из-под чёрных бровей. – Ты опять попал на камеры видеонаблюдения. Какого чёрта ты творишь?

Дэмиан закидывает ногу на ногу, носок лакированной туфли нервно подергивается.

– Подумаешь, немного поохотился... – бросает он небрежно, отводя взгляд к окну.

– Немного поохотился? – зрачки Кэдмона моментально расширяются, голос срывается на низкий рык. – Дэмиан, ты тут два месяца, и почти каждый день мне приходится отстегивать бабки, чтобы прикрыть твой волосатый зад! Ты открыто устраиваешь бойню каждый, мать твою, день! Моё терпение на исходе, Дэм...

Он делает паузу, вдыхает глубоко, пытаясь взять себя в руки, но пальцы на столе непроизвольно сжимаются в кулаки.

– Ты хоть понимаешь, что это не просто деньги? Это связи, репутация, влияние. Каждый раз, когда ты выходишь на

охоту, как дикий зверь, ты подставляешь меня. Меня!

Дэмиан пожимает плечами. Взгляд скользит по столу, избегая встречи с глазами брата.

– Не плати им, – тихо говорит он.

– Если я не буду платить за тебя, – Кэдмон резко наклоняется вперед, его голос становится ледяным, – то тебе прямая дорога на цепь. Охранять особняк кого-нибудь из этих зажавшихся ублюдков. Для большего ты не сгодишься.

Кэдмон откидывается на мягкую спинку кресла. Пальцы размерено постукивают по подлокотнику.

Дэмиан мечет глазами по кабинету, словно ищет выход или повод сорваться. Его дыхание участилось, кулаки непроизвольно сжимаются и разжимаются.

– Не понимаю, почему мы должны им подчиняться?! – вспыхивает Дэмиан. – Мы можем просто убить их! Убрать всех, кто стоит на пути!

Кэдмон качает головой, в его взгляде смешиваются усталость и раздражение:

– Щенок... Мы – цивилизованные, разумные ликантропы, движимые не только своими инстинктами, но и высоким интеллектом.

Он сжимает челюсти, вены на шее слегка вздуваются, затем добавляет с холодной яростью: – Я начинаю жалеть, что когда-то выбрал бетой именно тебя. Каждый твой приезд на игры всё больше вызывает у меня желание отгрызть твою тупую башку!

Дэмиан перебирает пальцами в воздухе, будто пытается ухватить слова, которые оправдали бы его действия. Нога продолжает нервно дёргаться. Он прищуривается и вызывающе ухмыляется:

– Тогда ты останешься совсем один, – говорит он тихо, но с нажимом. – И всю грязную работу придётся выполнять тебе. Ты ведь даже перестал наблюдать за играми. Неужели настолько тебе противны эти людишки? Или сдаешь позиции альфы?

Кэдмон не спешит с ответом. Он берет фужер, делает неспешный глоток виски, смакуя каждый момент паузы. Его взгляд становится острым, цепким.

– Много лет я безупречно справлялся без тебя, – произносит он ровно. – И поверь, предложи я эту роль сейчас кому-то из игроков – они согласятся, не раздумывая. Замену тебе найти не составит труда, Дэмиан. Считай, что эта твоя игра – и от того, как ты её проведёшь, будет зависеть твоя жизнь.

Дэмиан на мгновение замирает. Улыбка сползает с его лица, взгляд темнеет.

– Ты мне угрожаешь?

– Угрожать? – Кэдмон ухмыляется. – Я ставлю тебя перед фактом. Ты либо учишься жить по моим правилам, либо освобождаешь место для того, кто готов это делать.

Дэмиан опускает голову, плечи чуть ссутуливаются – впервые за разговор он выглядит не вызывающим, а задум-

чивым и уязвимым.

– Я тебя услышал, – тихо отвечает он.

– Терпеть не могу, когда так говорят, – Кэдмон сверлит взглядом понурившего Дэмиана. – Но в этот раз сойдёт. Приступим к делу. Давай список участников.

Дэмиан прокашливается, дерганным движением раскрывает папку, лежавшую на столе, и подает лист брату.

– В этот раз будет интересно, – он кивает и довольно улыбается.

Кэдмон неспешно забирает бумагу, бегло проходится по именам. Брови ползут вверх, он резко поднимает взгляд на Дэмиана, в голосе звучит недоумение:

– Зачем ты взял в игроки девок?!

Дэмиан вмиг приободрился, размахивает руками с энтузиазмом человека, уверенного в своей гениальной идее:

– Ничего ты не понимаешь! Это будет шоу! Все любят сучек, а скулящих от боли сучек любят ещё больше. Представь: ставки взлетят до небес, ублюдки будут в восторге, все только и будут говорить что о наших играх!

Кэдмон шумно выдыхает, сжимает пальцами переносицу, на мгновение закрывает глаза. Когда он снова смотрит на брата, его голос звучит спокойно:

– Они не пройдут и первое испытание. Останется несколько человек – и что? Пара испытаний, и игра закончится. А нам нужны ставки. Большие ставки. Долгие игры, напряжение, драма и мучения – вот что приносит деньги.

Дэмиан резко встает с кресла, начинает расхаживать по кабинету. Его шаги гулко отдаются в тишине комнаты. Он жестикулирует, говорит быстро:

– Вот увидишь – на девок будут самые большие ставки. Люди захотят увидеть, на что способны женщины в экстремальных условиях. Да и в принципе какая разница, если весь куш в любом случае остаётся нам? Мы контролируем процесс, мы диктуем правила. Никто не выживет.

Кэдмон молча слушает, его взгляд следит за братом. Затем он пальцем отодвигает рукав чёрной рубашки – серебряные часы сияют в свете ламп, отбрасывая блики на полированную поверхность стола.

– Игра полностью ложится на тебя, Дэмиан, – произносит он наконец, чеканя каждое слово. – От встречи гостей до проведения испытаний. Я лишь объявлю участников и запущу старт. И буду внимательно за тобой следить, брат. Очень внимательно.

Дэмиан нервно облизнул губы, кончики пальцев слегка подрагивают. Уголки рта растянулись в оскале улыбки:

– Будешь наблюдать из своей лесной хибары, как старый дед?

Кэдмон лениво поднимается с кресла, неторопливо поправляет рубашку, одергивает манжеты с нарочитой тщательностью – каждое движение подчеркивает его спокойствие и превосходство. Он смотрит на брата сверху вниз, хотя тот стоит в полный рост, и произносит ровно, без эмоций:

– Я повсюду, Дэмиан. Помни, кто из нас альфа.

Улыбка медленно сползает с лица Дэмиана. В его золотистых глазах на мгновение мелькает что-то похожее на страх, но он тут же прячет это за привычной бравадой.

Кэдмон направляется к выходу, его шаги звучат уверенно и размеренно. У самой двери он останавливается и бросает через плечо, не оборачиваясь:

– Я попользуюсь твоей шлюхой. Нужно срочно разрядиться, чтобы не разнести тут всё к чёрту!

Дэмиан фыркает, идёт следом за братом:

– Жаль, мне она нравилась.

– Найдёшь другую, – коротко отвечает Кэдмон.

Он выходит в коридор и бросает взгляд на девушку, которая присела около стены, обхватив голое тело руками. Её плечи подрагивают, волосы закрывают лицо. Она тут же опускает глаза в пол.

– Встать! – резко командует Дэмиан, и его голос эхом отдаётся в пустом коридоре.

Девушка поднимается, чуть сгорбившись, будто хочет уменьшить себя. Её пальцы дрожат, она не смеет поднять взгляд.

Кэдмон манит её пальцем:

– Пойдём со мной, – бросает он и идёт дальше по коридору.

Она послушно двигается следом, едва ли не бежит, стараясь не отставать. Её босые ноги шлепают по холодному по-

лу. Дэмиан смотрит им вслед, сжимает и разжимает кулаки, бормоча себе под нос:

– Шакал гребаный...

Глава 2

Я опускаю взгляд и смотрю на свой палец, нелепо торчащий из дыры в старом кроссовке. Ткань истрепалась по краям, и в прорехе виднеется грязная кожа.

– Чёрт...

Гул самолета, взлетающего с соседней полосы, на мгновение прерывает мамину словесную тираду. Рёв двигателей заполняет пространство, заглушая её голос, и я наконец-то могу перевести дух, на секунду освободившись от этого бесконечного сверления мозгов. Но облегчение длится всего несколько секунд: шум постепенно стихает, и голос мамы снова заполняет пространство.

Медленно отрываю взгляд от дырявой обуви и поднимаю глаза на неё. Мама стоит передо мной, с трудом выдавливая слезы, она держится обеими руками за округлившийся живот. Ветер безжалостно треплет её обесцвеченные, давно немытые волосы, открывая лицо, которое кажется еще более изможденным под лучами яркого солнца. Оно безжалостно подчеркивает каждую деталь: худые впалые скулы, темные круги под глазами. На застиранном синем платье, которое она носит уже не первый год, отчётливо видны застарелые жирные пятна.

– Кира, – её губы кривятся в попытке выдавить очередную

слезу, – ты не можешь уехать!

Сжимаю кулаки, стараясь сохранить спокойствие.

– Могу.

– Нет, не можешь! – она делает шаг ко мне. – Как тебе вообще пришло это в голову?

Поправляю лямку полупустого рюкзака – в нём лишь пара трусов, старая футболка и пара носков. Вот и всё моё имущество.

– Нищета, мам. Нищета сподвигла меня на это, – говорю я твердо, глядя ей в глаза.

Она на несколько секунд замолкает, прикусывает губу, а затем, глубоко вдохнув, продолжает:

– Мы нормально живём. Да, не богато, но...

Чувствую, как начинаю закипать. У меня вырывается горькая усмешка:

– Серьёзно? Для тебя, может, и нормально, а я устала все тянуть на себе. Ты живёшь в каком-то своём мире, обрушив на меня все заботы – и о доме, и о своих детях.

– Я мать! Не смей со мной так разговаривать, – она гордо вздергивает подбородок.

– Да плевать! – сквозь зубы цежу я. – Ты только и можешь, что рожать в этот мир новые голодные рты. Семь! Семь веч-

но голодных оборванцев – и вот восьмой на подходе. Я больше не хочу воровать, не хочу браться за любую работу, лишь бы прокормить своих сестер. С меня хватит. Пусть они считают меня тварью, предательницей – но это моя жизнь. Разбейся сама со своими детьми.

У нее начинает мелко дрожать подбородок, и одинокая слеза медленно скатывается по ее морщинистой щеке, оставляя влажный след. Возможно, у кого-то этот вид и вызвал бы жалость и сострадание, но только не у меня.

Этот человек принес мне столько боли, что внутри давно не осталось места для сочувствия. Она вырастила из меня не живую девушку, а пустую оболочку, практически лишенную эмпатии к этому миру. Мать специально вытравила все человеческое, чтобы сделать меня послушным инструментом.

– Ты погибнешь... – едва слышно произносит мама.

Я поднимаю на неё взгляд, полный ненависти, пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

– А когда ты продала меня толпе мужиков за двадцать долларов, – говорю, и каждое слово отдается болью в груди, – ты не переживала, что я погибну, ма? Когда они насиловали меня, всячески издевались над моим телом, смеялись в лицо и говорили, что родная мать сама пустила свою дочь по кругу...

Воспоминания нахлынули волной, и мне снова тринадцать. Я вижу их лица, слышу их смех, ощущаю запах пота

и страха.

– Я всё думала: за что? – продолжаю я, голос дрожит, но я не отвожу взгляда. – Ведь я была ещё ребёнком! Тринадцать лет... Я воровала кошельки, продукты в магазинах, делала всё, что ты говорила, лишь бы ты меня полюбила. Лишь бы увидела во мне дочь. Но ты... ты снова и снова продавала моё тело.

Она судорожно вытирает скупые слёзы с щёк. Её глаза метаются по моему лицу, словно ищут там хоть искру прежней покорности, но не находят. Губы сжимаются в тонкую, бледную линию.

– Я уже просила у тебя прощения! – цедит она сквозь плотно сжатые губы, голос дрожит, но она пытается сохранить властность.

– Никогда не прощу, – отвечаю я ледяным тоном, и в груди разливается странное чувство облегчения. Наконец-то я могу это сказать вслух. – Теперь ебись со своими проблемами сама. Как знаешь, как умеешь.

– Кира, что за тон? – её пальцы нервно перебирают ткань на округлившемся животе.

Медленно растягиваю губы в улыбке:

– Тон человека, который наконец-то освободил себя от оков. Я лучше сдохну в игре, в отчаянной попытке сорвать большой куш, чем сгнию в подворотне, воруя кошельки у прохожих.

– А о сёстрах ты подумала? – мама хмурится, пытается надавить на больное, в глазах мелькает отчаяние.

– Манипуляции через сестёр больше не работают. Можешь не стараться.

Ее лицо искажается в гримасе отвращения и бессилия, плечи опускаются.

– Какую же тварь я вырастила, – шепчет она, медленно качая головой.

– Ха! – я не могу сдержать горького смеха. – А кого ещё могла вырастить такая мать? Только себе подобное создание.

Разворачиваюсь и иду к самолету, чувствуя, как с каждым шагом становится легче. Оборачиваюсь через плечо:

– Когда я выиграю, половину отдам вам. Как поступить с деньгами – решай сама. Но в первую очередь советую установить противозачаточную спираль. Чтобы больше никто не повторил моей судьбы.

– Закрой свой рот! – её голос срывается в истерику, становясь визгливым и чужим. – Паршивка! Пусть тебя там первой прикончат!

Я лишь небрежно машу ей рукой, не оборачиваясь:

– И тебе всего хорошего, ма.

Быстрым шагом я направляюсь к самолёту. На его светлом боку символично горят три цифры – 666.

С каждым шагом мой палец все сильнее вылезает из дыры на кроссовке – это раздражает, но это единственное чувство,

что сейчас меня гложет. Внутри пустота. Беседа с матерью не оставила следа. Я уже давно эмоционально мертва: ни любви, ни тоски, ни жалости.

Подхожу к трапу. У его основания стоит высокий мужчина в балаклаве и военной форме, с автоматом на плече. Он смотрит на меня сверху вниз, его взгляд тяжелый и оценивающий. Низкий голос звучит ровно:

– Кодовая фраза?

На мгновение замираю, вспоминая пригласительное письмо. В голове всплывают слова: «Хищные игры».

– Хищные игры, – чеканю я.

Мужчина кивает, на секунду задерживает на мне скептический взгляд, и коротко бросает:

– Поднимайся. Ты пока первая из участников.

Глубокий вдох. Выдох. Ладони слегка потеют – мне никогда в жизни не приходилось летать на самолете, и это новое ощущение добавляет нервозности. Но я собираю волю в кулак и ставлю ногу на первую ступеньку трапа.

– Надеюсь, из игры я, выйду последней, – бросаю я, глядя на охранника. – А с выигрыша обязательно куплю вам очки. А то стоите, щуритесь от солнца – морщины ведь будут. Он неожиданно громко смеётся.

– Ещё никто не выигрывал, – говорит он, всё ещё улыбаясь. – Жаль. Очки бы мне подошли.

– Только ради этого я унесу с собой победу, – подмигиваю ему и быстро взбегаю по трапу, поднимаюсь выше, оставляя позади и мать, и прошлое.

При входе на борт меня встречает улыбчивая стюардесса. На ней идеально сидит чёрная строгая форма, темные волосы уложены волосок к волоску, туфли на высоком каблуке подчеркивают красоту длинных ног.

– Здравствуйте, Кира Варс. Приветствую вас на борту «Асматуса», – она отступает в сторону, приглашая пройти вперёд. – Прошу на борт.

– Здравствуйте, – я стараюсь улыбнуться так же радушно. – Благодарю.

Делаю шаг через порог. В салоне приглушенный свет, пахнет свежей обивкой и дорогим парфюмом. И последнее, что я помню, – жгучий укол в шею и мгновенная темнота перед глазами.

Глава 3

Игнатий монотонно стирает шваброй кровь со стен – методично, без эмоций, будто это всего лишь пыль на полках. Этот старик на протяжении многих лет машет тряпкой, стирая следы наших зверств. Он молчалив, как могила, и дотошен, словно выполняет священный обряд очищения. В его глазах нет осуждения, а только бесконечная усталость и покорность судьбе.

Я цепляю серебряную запонку на манжет пиджака, люблюсь, как холодный металл блестит в свете ламп. Невольно ухмыляюсь, вспоминая, как в фильмах дурачат людей, показывая, будто оборотни боятся серебра. Или что серебряной пулей можно нас убить... Откуда только взялись эти бредовые мифы?

Мы – куда хуже, кем нас рисуют в кино. Чем старше оборотень, тем он неуязвимее: годы закаляют тело и дух, превращая нас в нечто большее, чем просто звери. Моя сила растёт с каждым десятилетием, и теперь меня может свалить лишь одно средство – но о нём знаю только я.

Можно, конечно, попытаться лишить меня головы – но, чёрт возьми, вряд ли у кого-то это когда-нибудь получится. Я слишком силен, слишком хитер, слишком живуч. В этом мире мало вещей, способных меня остановить. И серебро – точно не одна из них.

Взгляд невольно падает на Игнатия. Он всё так же методично водит шваброй по стене, стирая следы крови. В его движениях – вся суть этого мира: кто-то творит хаос, а кто-то убирает за ним.

– Игнат, что я буду делать, когда ты умрёшь? – я стою перед зеркалом и смотрю на старика в отражении.

Он в чёрных резиновых перчатках собирает кишки с пола, кидает их в пакет – те с хлюпающим звуком исчезают в пластике. Игнат выпрямляется, тыльной стороной ладони вытирает пот со лба и смотрит на меня усталым взглядом. Он – единственный человек, кому можно без моего разрешения смотреть мне в глаза.

– Ох, – тяжело выдыхает старик, – не знаю, Кэдмон, но чувствую, что мне недолго осталось. В последнее время совсем расклеился.

Замечаю на своей скуле недобрый участок щетины. Беру со стола бритвенный станок, проверяю лезвие. Всё должно быть идеально.

– У тебя нет никого на примете, кому можно передать твои полномочия? – спрашиваю я, аккуратно подбывая оставшиеся волоски.

Игнатий коротко хмыкает и подбочивается, на мгновение обретая прежнюю живость:

– Откуда, Кэдмон? Я не выхожу отсюда уже несколько де-

сятков лет!

– Дьявол, – я невольно морщусь, – я совсем забыл об этом.

Кладу станок обратно на стол, задумчиво провожу пальцем по его холодной металлической поверхности.

– Может, всё-таки посоветуешь, как быть? В конце концов, кто-то должен продолжить твоё дело...

Наблюдаю, как меняется выражение лица Игната: подбородок горделиво вздергивается, а в потухших глазах вдруг вспыхивает внутренний блеск.

Ему явно льстит, что я создаю эту иллюзию его важности – словно он не просто уборщик, а наставник, хранитель порядка. А мне, в свою очередь, нравится, что после таких разговоров старик работает ещё тщательнее, с удвоенным рвением. Все в плюсе.

– Возьми кого-то из бедняков, – небрежно пожимает он плечом, но в голосе слышится гордость за свою идею.

– Как ты себе это представляешь? – уточняю я, внимательно изучая его лицо.

– Дай запрос или рассылку: ищешь одинокого человека для уборки дома с проживанием. Попав сюда, он уже никуда не денется, а я его всему научу, – в его глазах мелькает предвкушение.

– Мне нравится твоя идея, – я расстегиваю верхнюю пу-

говицу рубашки. – После игр займись этим.

Дверь с грохотом распаивается, прерывая наш разговор. Я слышал тяжелые шаги Дэмиана ещё издавела. Но Игнат заметнo вздрагивает и подпрыгивает на месте, роняя тряпку.

– Дэмиан, – я медленно поворачиваюсь к брату, – если Игнат умрёт раньше времени, твоя тупая башка полетит с плеч.

Дэмиан влетает в кабинет, словно вихрь. Его безумные медовые глаза, как обычно, мечутся по комнате, цепляясь за каждую деталь.

Запах крови в кабинете все еще густой.

– Ни хера себе ты тут устроил, – говорит он, стирая пальцем каплю крови со стола. Тёмно-красная капля тянется за его пальцем тонкой нитью. – А ещё говорил про мои зверства.

Он небрежно облизывает кровь с пальца и усмехается:

– Мне до тебя еще расти и расти, братец.

Я щелкаю пальцами и потягиваюсь. Позвоночник тихо хрустит. По мышцам медленно растекается тяжёлое, приятное тепло – заряд энергии, который подарила мне та фигуристая девушка. Сейчас её тело аккуратно раскладывают по мусорным пакетам.

– Не дорастешь, – говорю я, пристально глядя на брата.

Он мгновенно отводит взгляд.

– Я прикончу тебя раньше. Что за вид у тебя, Дэмиан?

Брат поворачивается ко мне. Свет ламп скользит по его лицу. Медовые глаза вспыхивают, как у зверя в темноте. Каштановые волосы зализаны назад. Дэмиан медленно растегивает длинный кожаный плащ. Щелчок за щелчком. Затем резко распахивает его.

Под плащом – абсолютно голое тело. Только на ногах черные кроссовки.

Он довольно ухмыляется:

– Охеренно я придумал, да? – На его лице растягивается широкая, придурковатая улыбка.

Я смотрю на него с откровенным отвращением.

– Вот так ты решил встречать гостей? – медленно скольжу взглядом вниз. – Ты решил удивить их болтающимся членом?

Дэмиан отмахивается:

– Гости уже в зале, ждут тебя. *Это для игроков*, – он кончиком языка медленно проводит по зубам. – Не хочу терять время на долгое раздевание. Прикинь: пара секунд – и я уже готов обратиться. И сразу в лес, на охоту за этими никчемными людишками. Они и десятка метров не успеют пробежать, как я уже выскочу из кустов.

На последних словах его улыбка постепенно превращается в оскал.

Он помешан на убийстве. Дэмиан из тех оборотней, которые уничтожают всё, что движется. Дай ему полную свободу – и через пару месяцев в округе не останется ни одной жи-

вой души.

Так уже случалось.

В той деревне, где он провёл последние несколько лет, его никто не контролировал. В итоге он вырезал людей на расстоянии нескольких сотен километров вокруг. От деревни остались лишь пустые дома, гниющие тела и запах смерти, въевшийся в землю.

Раньше я вызывал его только на игры – для участия в испытаниях. Он был идеальным инструментом: быстрым, безжалостным, азартным. Но в этом году я решил дать ему немного власти.

Заменить меня.

Мне захотелось побыть сторонним наблюдателем и свести к минимуму общение с богатой богемой, которая из года в год съезжается сюда ради зрелища.

С каждым годом мне всё труднее переносить их присутствие.

Я слишком пресытился этим отребьем, возомнившим себя властителями мира.

Иногда я представляю, как это могло бы закончиться. Как за считанные минуты весь зрительный зал окрашивается в красный цвет. Как они захлебываются собственной кровью, как дрожащими руками пытаются удержать кишки, вываливающиеся из разорванных животов. Как молят о пощаде, визжат и кричат от ужаса, осознавая, что их деньги и влияние больше ничего не значат.

Эти мысли заставляют моего волка внутри ликовать и шевелиться. Он щелкает челюстями от возбуждения.

Но я гашу это. Я научился контролировать себя. Теперь пришло время научить этому брата.

Иначе мне придется его ликвидировать.

Качаю головой и направляюсь к выходу. Дэмиан следует за мной.

Мы выходим в длинный коридор, слабо освещенный светильниками в виде свечей. Их дрожащий желтый свет ложится на бордовые стены и тяжелые золотые рамы картин. По всей длине коридора тянется густой красный ковёр, заглушающий наши неспешные шаги.

Не оборачиваясь, я бросаю через плечо:

– Если бы я мог испытывать это чувство, то сейчас мне было бы за тебя стыдно.

Дэмиан ускоряет шаг и равняется со мной. Мы останавливаемся у массивной двери, за которой уже собралась элита, жаждущая зрелища. Он кладёт руку на тяжелую бронзовую ручку.

– Можно подумать, что ты белый и пушистый.

– Чёрный и пушистый, – отвечаю я и киваю на дверь. – Открывай.

Замечаю, как подрагивают мышцы на его лице. Ему не нравится подчиняться. Он изо всех сил сдерживает себя, удерживая зверя внутри. Но рано или поздно он всё же осмелится бросить мне вызов.

Дэмиан слишком опрометчив в своих поступках, слишком самоуверен и слишком легко поддаётся возбуждению. Им управляют инстинкты, а разум в такие моменты отходит на второй план.

Я смотрю ему прямо в глаза, усиливая давление.

Несколько секунд он выдерживает мой взгляд.

Потом сдаётся.

Его глаза опускаются к полу.

Довольно улыбаюсь, чувствуя ту ненависть, которая сейчас кипит в нём.

Брат натягивает на лицо маску улыбки и резко тянет тяжёлую дверь на себя.

– Прошу, мой король, – говорит он, театрально наклоняясь и приглашая меня пройти.

– С этой минуты зови меня именно так, – отвечаю я, переступая порог.

– Отсоси, Кэд, – шепчет брат за моей спиной, прекрасно понимая, что в этот момент он может позволить себе такую дерзость.

В нос ударяет калейдоскоп запахов: пота, алкоголя, дыма от курительных самокруток и сигар, тяжёлых одеколонов, а также густой, липкой вони человеческих тел и их выделений. Чувствительные рецепторы мгновенно реагируют – лицо само собой кривится от отвращения. На секунду я позволяю этому чувству проявиться, но тут же беру себя в руки.

Я останавливаюсь посреди огромного зала с высокими по-

толками.

Вдоль стен выстроены чёрные глянцевые столы, отражающие яркий свет софитов. К ним расставлены тяжелые золотые стулья с мягкой бархатной обивкой. Пол выложен черной мраморной плиткой с тонкими золотыми вкраплениями, которые мерцают под светом ламп, как прожилки застывшего металла.

Под самым потолком раскинулись огромные канделябры. Они заливают помещение густым светом, в котором поблескивает стекло бокалов и золотая отделка мебели.

Стены по бокам усыпаны небольшими мониторами. На них транслируются записи прошлых игр – для тех, кто любит рассматривать последствия испытаний. Там можно снова и снова наблюдать чужую смерть: разглядывать трупы, перематывать моменты гибели, смакуя каждую эмоцию жертвы.

По центру зала расположен огромный широкоформатный экран, занимающий почти всю стену. На нём игра будет транслироваться в прямом эфире. Экран около пятнадцати метров шириной создаёт ощущение, будто зрители сами оказываются в центре происходящего.

Когда я вхожу, гомон голосов мгновенно стихает.

На смену ему приходят аплодисменты.

– Приветствуем, маэстро! – голова в маске медведя делает приветственный поклон.

– Взаимно, господа, – киваю я гостям.

Одно из моих главных условий – все присутствующие

должны быть в масках. Так между нами не возникает прямого контакта глазами. Это помогает мне держать под контролем своё звериное нутро и желание устроить здесь и сейчас настоящее веселье.

Для них же маски означают совсем другое. Надев их, они чувствуют полную свободу. Границы стираются, и наружу выползают самые извращённые желания.

Медленно окидываю взглядом зал.

Как всегда – двенадцать человек.

Ни больше ни меньше.

– Не буду вас томить, – начинаю я, неспешно переводя взгляд с одной маски на другую: петух, бык, лев, медведь...
– В этом году вас будет курировать мой брат. Насколько я понимаю, вы уже успели с ним познакомиться, но позвольте представить его еще раз.

Я жестом подзываю Дэмиана.

Он, как всегда, в своём репертуаре: вздергивает подбородок, проводит ладонями по зализанным волосам и, танцующей походкой, подходит ко мне.

– Прошу вашему вниманию – Дэмиан Ликос, – говорю я. Дэмиан наигранно кланяется, широко разводя руки.

– Он мой заместитель на этих играх. Господа, прошу отнестись к нему внимательно: у него испытательный срок. Если вдруг возникнут какие-либо замечания или недовольство, вы можете сообщить об этом мне.

– А как это сделать? – хрипло спрашивает гость в маске лягушки.

– Секунду.

Я подхожу к краю одного из столов и откидываю в стене небольшую металлическую крышку. Под ней спрятана красная кнопка с динамиком.

– Вам нужно просто нажать на кнопку и сообщить мне о проблеме. Даже если меня не окажется на месте, ваше обращение всё равно дойдёт до меня – сообщение записывается и автоматически отправляется.

– Блять... – Дэмиан щурится и искоса бросает на меня взгляд. – Это жестоко. Ты надел на меня рубашку-обнимашку.

Наклоняюсь к нему и, понизив голос, тихо говорю:

– Я бы ещё и намордник на тебя надел, но решил всё-таки не унижать твоё достоинство.

– Моё достоинство тебе в рот не поместится, – нагло бросает он.

Хватаю его за горло. Челюсти сжимаются сами собой, и я с грохотом впечатываю Дэмиана в стену. Его голова с силой ударяется о камень. От удара даже канделябры под потолком звенят тонким металлическим звуком.

Гости мгновенно затихают и вжимаются в свои стулья.

Волк внутри ликует, предвкушая выход.

Я сжимаю шею Дэмиана ещё сильнее. Его глаза наливаются красным. Он судорожно пытается глотнуть воздух, вцеп-

ляется пальцами в мою руку, стараясь разжать хватку, но сил тягаться со мной у него не хватает.

Чувствую, как начинает выдвигаться моя челюсть.

Глаза Дэмиана замечают это. И в них появляется настоящий ужас.

– Шавка! – глухой рык вырывается из меня. – Ещё раз позволишь себе выпад в мою сторону – и я при всех покажу тебе твоё место. Щенок...

– Пон-я-ял, отпусти, – сипит он. – Отпусти... пожалуйста. Медленно разжимаю пальцы.

Выравниваю дыхание.

Несколько секунд продолжаю давить его взглядом, изо всех сил подавляя желание прямо сейчас прикончить этого выродка.

Дэмиан потирает покрасневшую шею, уставившись в пол. Плечи его ссутулились.

Я разворачиваюсь к притихшим гостям.

– Господа, прошу простить. Это был воспитательный момент. Надеюсь, ваши штаны остались сухими.

По залу прокатывается волна смеха. Кто-то нервно кашляет.

Тот, что в маске петуха, громко выкрикивает:

– А я бы с большим удовольствием посмотрел, как вы, господин Кэдмон, устраиваете ему настоящую взбучку! Вот это было бы зрелище!

Он начинает хохотать, и его толстое пузо колыхается в такт

смеху.

– Не исключено и такое шоу, – ухмыляюсь я, слегка наклонив голову набок. – Итак... остались ли у вас какие-нибудь вопросы?

Гости из элиты отрицательно закачали головами.

– Хорошо. Тогда мы пойдём встречать игроков и знакомить вас с ними. Правила вы знаете – они остались неизменны. Выбирайте себе любимчиков и делайте ставки, господа. До встречи в финале.

Я коротко киваю на прощание, разворачиваюсь и направляюсь к выходу. Дэмиан следует за мной.

За спиной раздаются аплодисменты и возбужденное улюлюканье, полное нетерпения перед началом игры.

Глава 4

Сознание постепенно возвращается, но продолжает блуждать в вязком тумане. Я пытаюсь разомкнуть веки, однако они будто налиты свинцом – тяжелые и неподъемные.

На шее ощущается давление. Я приказываю руке подняться и нащупать, что там, но тело не подчиняется.

Слух возвращается медленно, словно я всплываю из-под толщи воды.

Сначала до меня доносится глухой рокот двигателя. Затем – протяжный скрип амортизаторов.

Транспорт подо мной дрожит. Вибрация отдающая в спину и затылок. Через несколько секунд дрожь стихает – машина, похоже, останавливается.

На мгновение всё вокруг замирает.

Раздаётся звук открывающейся двери – точно такой же, как в автобусе. В салон врывается поток холодного воздуха, пахнущий сыростью и металлом.

Слышны шаги.

Теперь до меня доносятся мужские голоса. Они говорят на незнакомом языке – резком, отрывистом. Слова звучат странно, почти как заклинания.

Похоже на латынь.

Какого хрена происходит? – проносится у меня в голове.

И в тот же момент мою шею пронзает ток.

Электрический разряд прошивает всё тело так резко, что веки распахиваются сами собой. Перед глазами вспыхивают искры.

Челюсти смыкаются, удерживая рвущийся наружу крик.

Тело резко подаётся вперёд, но ремень впивается в грудь и по инерции отбрасывает меня обратно.

Хватаюсь рукой за шею. Нащупываю на ней ошейник.

Кожаный.

Мать его.

Ошейник.

– Какого хера?! – цежу сквозь зубы, оглядываясь по сторонам.

Я сижу на последнем сиденье автобуса. Внутри полумрак.

Передо мной – ряд из шести сидений. С правой стороны столько же. На каждом сидит человек, так же, как и я, пристегнутый ремнями к своему месту.

Разномастные головы крутятся из стороны в сторону. Люди оглядываются, пытаются понять, где они и что происходит.

Кто-то с чувством матерится. Кто-то молчит, сжав губы. Мне даже кажется, что я слышу от кого-то тихие слова молитвы.

Замечаю, что все одеты одинаково.

Осматриваю себя.

– Твою мать... как?

Моей старой серой футболки и потёртых джинсов больше нет. Я чуть наклоняюсь, чтобы посмотреть на обувь.

Вместо дырявых кроссовок теперь на мне тяжёлые ботинки. А вместо моей одежды – черная футболка с моим именем и плотные, облегающие леггинсы.

Вообще не понимаю, что происходит. Как я из самолета оказалась в автобусе – да ещё переодетая в чужую одежду и с ошейником на шее?

Мысль об этом неприятно царапает сознание.

Металлическое кольцо на ошейнике тяжёлое, холодное. Я чувствую его каждым движением головы.

Ловлю на себе взгляд парня, сидящего чуть впереди, сбоку от меня.

Он смотрит надменно, из-под рыжих бровей. Огненные волосы собраны в высокую гульку, несколько прядей выбились и торчат в разные стороны.

Терпеть не могу патлатых мужиков, – проносится у меня в голове.

Но вслух я лишь тихо спрашиваю:

– Где мы?

Рыжий цокает языком, закатывает глаза и, скривившись, говорит:

– А ты куда ехала?

– В задницу, – раздраженно бросаю я. – Сделай лицо попроще.

Он окидывает меня презрительным взглядом, будто видит

некачественный товар на прилавке.

– Вот в задницу и приехала, – говорит он. – На играх мы. Где же ещё.

От этих слов внутри заметно холодеет.

Сжимаю кулаки. Кожа на ладонях натягивается, ногти впиваются в пальцы.

Неприязнь к этому типу поднимается мгновенно, как вспышка. Так и хочется врезать по его недовольной физиономии.

Но дотянуться до него сейчас всё равно не получится – ремни крепко держат меня на месте.

Я просто мило улыбаюсь.

– Желаю тебе умереть первым.

Откидываюсь на спинку сиденья и смотрю вперёд.

– Сука... – шипит он. – Ты еще будешь молить меня о пощаде, когда я буду резать тебе глотку. Овца...

Свет в салоне автобуса внезапно загорается. Щурюсь от резкого света.

Гомон голосов тут же прекращается, будто кто-то одним движением перекрыл звук.

Глаза сами собой лезут на лоб.

Кто-то из парней присвистывает и хрипло произносит:

– Вот это маскарад...

Перед нами стоят трое высоких людей. Судя по ширине плеч – мужчины.

На них золотые костюмы, идеально сидящие на широких

фигурах. На ногах чёрные туфли, начищенные до зеркального блеска.

Но не это заставляет нас удивиться.

Вместо лиц на них надеты головы волков. Маски – полноценные волчьи головы, вытянутые морды, острые уши, темные провалы глазниц. Они выглядят так, будто сошли со страниц учебника истории Древнего мира.

Перед нами стоят три Анубиса внушительных размеров.

И от этого зрелища по спине пробегают холодные мурашки.

– Доброй ночи, игроки, – низкий, глухой голос звучит из-под маски.

– Доброй ночи, – отзываюсь я синхронно с остальными.

Мужчина в маске делает резкий жест рукой, и все мгновенно умолкают. Его длинные пальцы в черной перчатке собирают перед собой воздух, сжимая его в кулак.

– С этого момента вы говорите только с разрешения ведущих – либо с нашего разрешения, – голос звучит ровно, без эмоций, но от этого ещё более угрожающе.

Рыжий, сидящий сбоку от меня, вздергивает подбородок, в глазах вспыхивает вызов.

– С какой стати мы должны подчиняться... – он не успевает договорить.

Ошейник на его шее издаёт короткий, пронзительный

сигнал – и тело мужчины начинает содрогаться от разряда тока. Он мычит сквозь стиснутые зубы, жилы на шее вздуваются, спина выгибается, а пальцы впиваются в подлокотники кресла. Всё происходит так быстро, что никто не успевает отреагировать. Десять секунд агонии – и разряд прекращается так же внезапно, как начался.

Рыжий обмякает в кресле, но сознание остаётся при нём. Он судорожно проводит рукой по лицу, вытирая капли пота и слюны с уголков губ. Лицо покраснелось до багрового оттенка, будто вот-вот лопнет.

– Надеюсь, всем понятно первое правило? – маска медленно поворачивается, скользит по каждому из нас.

Я коротко киваю, стараясь не издать ни звука. В мои планы точно не входит испытать на себе действие этого ошейника. Внутри всё сжимается от осознания: игра только началась, а правила уже показали свою жестокость.

В салоне повисает напряженная тишина. Слышно лишь прерывистое дыхание рыжего.

– Мы стражи, – мужчина в маске указывает руками на еще двоих, стоящих позади него. – Следим за порядком.

Он на секунду замолкает, будто давая нам время осмыслить сказанное, затем продолжает:

– Правило второе. Никогда, *никогда* не смотреть в глаза организатору хищных игр. Кэдмон Ликос не терпит этого. Только с его разрешения вы можете поднять взгляд.

Я мысленно закатываю глаза.

Как же я ненавижу этих зажавшихся богачей.

Они всегда находят способ унижить тех, кто стоит ниже их. Им мало денег, мало власти – им нужно ещё и смотреть, как другие пресмыкаются у их ног.

Вот и сейчас – унижительное правило. Смотрите в пол, как рабы, и не вздумайте поднять глаза на богатого ублюдка.

Чем больше думаю об этом, тем сильнее внутри поднимается злость.

Невольно опускаю взгляд на темный пол автобуса, где дрожащий свет ламп отражается в металлических креплениях сидений.

– Остальные правила вам объяснит сам Кэдмон Ликос. Сейчас вы по очереди выходите из автобуса и становитесь в ровную линию. Разметка указана на асфальте, – страж сцепляет ладони. – Отстегнуть им ремни.

Его помощник нажимает тумблер на стенке. Раздаётся серия щелчков, и ремни соскальзывают с груди, наконец давая свободу движениям. Я машинально провожу рукой по плечу, где ещё секунду назад чувствовалось жёсткое давление.

Свет в салоне гаснет.

Вместо него снаружи вспыхивают мощные фонари. Они бьют таким ярким светом, что приходится прикрыть глаза рукой.

Поднимаюсь с кресла. Ноги на секунду кажутся ватными – тело ещё не до конца отошло после длительного пребывания в сидячем положении.

Медленно двигаюсь вперёд, следуя за рыжим.
Теперь я могу разглядеть имя на спине его футболки.
Граз.

Один за другим игроки спускаются из автобуса и занимают места на разметке. Атмосфера напряженная: кто-то нервно озирается, будто пытаясь понять, куда мы попали; кто-то тихо ругается, сжимая кулаки; кто-то просто смотрит в землю, стараясь стать незаметнее.

Я спускаюсь последней, медленно и осторожно, крепко вцепившись в поручень. Яркий свет бьёт прямо в глаза, заставляя жмуриться. Фонари расставлены так симметрично и равномерно, будто нас действительно вывели на сцену – перед толпой невидимых зрителей, которые сейчас оценивают каждый наш шаг.

Наконец ноги касаются гравия. Щурюсь, моргаю несколько раз, пытаюсь привыкнуть к свету, и оглядываюсь по сторонам.

Перед нами небольшая площадка – ровный чёрный асфальт, расчерченный одной четкой красной линией. По краям возвышаются высокие прожекторы на массивных металлических стойках. Их лучи скрещиваются над площадкой, создавая причудливую игру теней.

Вдоль площадки выстроились фигуры в масках волков и золотых костюмах – точно такие же, как те, что были в автобусе. Они стоят абсолютно неподвижно, как статуи. Ни единого жеста, ни вдоха – только холодные маски, устремлен-

ные на нас. От их безмолвного присутствия волосы начинают шевелиться.

Делаю осторожный шаг вперед. Резкий порыв холодного ночного воздуха ударяет в лицо. Он несёт с собой целую симфонию запахов: сырую землю, влажный лес, едва уловимый запах бензина.

Позади площадки раскинулся густой лес. Он затянут плотным туманом, который клубится в ночной темноте, словно живая субстанция. Туман скрывает деревья, размывает очертания, превращая лес в нечто загадочное и угрожающее – будто за этой завесой таится неведомая сила, ждущая своего часа.

Быстрым, цепким взглядом окидываю шеренгу соперников. Граз занял позицию в начале – рядом с высокой, худощавой девушкой. На её футболке крупными буквами написано «Саша». Она стоит прямо, чуть приподняв подбородок, пытается казаться увереннее, чем есть на самом деле.

Рыжий ублюдок, скрестив руки на груди, сверлит меня взглядом – в его глазах читается неприкрытая враждебность. Я демонстративно показываю ему средний палец. Он сжимает челюсти, но молчит.

В этот момент сзади резко захлопывается дверь автобуса. От неожиданности я вздрагиваю.

– О-о, малышка испугалась? – раздаётся ехидный голос поджарого Стэфана. – Иди к папочке, у меня есть конфетка, которая тебя успокоит.

Все двенадцать участников раздражаются громким хохотом – кто-то ржёт в голос, кто-то давится смехом, прикрывая рот рукой. Это явно тешит самолюбие Стэфана: его глаза сверкают торжеством, на губах самодовольная ухмылка. Он не сводит с меня взгляда, будто ждёт, что я отступлю или засмущаюсь.

Я медленно, нарочито неторопливо поднимаю глаза: от его поношенных ботинок – вверх по стройной фигуре – к лицу. Уголок моих губ дергается в легкой ухмылке.

– У меня очень острые зубки, *папочка*, – тихо, но отчетливо произношу я, кривя губы. – Да и твой обсосок не в моём вкусе.

Стэфан на секунду теряется, его улыбка гаснет, а в глазах мелькает удивление.

– Кира! Встать в строй! – властно выкрикивает один из стражей, стоящих рядом.

Решаю не испытывать судьбу. Быстрым шагом подхожу к шеренге и поспешно встаю рядом с очень крупным парнем – судя по футболке, его зовут Гарри. Его массивная фигура кажется огромной на фоне остальных.

– Привет, – шепчу я ему едва слышно, стараясь не привлечь лишнего внимания стражей. – Я, получается, тринадцатая?

Толстяк медленно поворачивает голову и смотрит на меня своими узкими глазами.

– Ага, – коротко отвечает он. – Не повезло.

Я не могу сдерживать короткого фырканья и подмигиваю ему:

– Булочка моя, тринадцать – это моё счастливое число. Всё идёт как надо, веришь?

Гарри коротко качает головой. Его массивные плечи чуть опускаются, а в глазах мелькает тень безысходности.

– Счастливое, не счастливое... – глухо произносит он. – Всё равно мы тут все умрём.

Я легонько толкаю локтем в его мягкий бок и с наигранной бодростью бросаю:

– Эй, больше позитива...

Но фраза обрывается на полуслове – резкий, пронзительный разряд тока бьёт сквозь ошейник, как молния. Тело мгновенно сводит судорога, мышцы напрягаются до предела, а по коже пробегает волна острой, колющей боли. Дыхание перехватывает, в ушах звенит, перед глазами вспыхивают ослепительные белые точки.

Секунды тянутся, как вечность. Затем воздействие прекращается так же внезапно, как началось. Я медленно выпрямляюсь, глубоко вдыхаю, стараясь прийти в себя.

Бросаю короткий взгляд на Гарри. В его глазах читается неподдельное сочувствие. Он чуть приоткрывает рот, будто хочет что-то сказать, но лишь молча кивает, и в этом жесте читается молчаливая поддержка.

Моя дрессировка прошла успешно. Урок усвоен. Стражи не шутят – это стало ясно с первой секунды удара.

Осторожно оглядываюсь по сторонам. Остальные участники шеренги ведут себя по-разному: кто-то устоял на земле, будто пытается раствориться в асфальте; кто-то нервно переминается с ноги на ногу, сжимая и разжимая кулаки; пара человек бросает быстрые взгляды в мою сторону, но тут же отводит глаза, словно боясь, что их заметят за проявлением любопытства. В воздухе повисает тяжелая тишина – никто не решается комментировать случившееся.

Глава 5

Наверное, около часа мы провели в полном молчании. Больше никто не захотел повторить мой урок с наказанием током.

Под шумное сопение стоящего рядом Гаррета я ковыряю носком ботинка красную линию на асфальте. Краска местами шершавится под подошвой, и ботинок тихо скребёт по ней.

Мысли не дают покоя. Мы ведь понятия не имеем, что нас ждёт.

Самых игр простому народу никогда не показывали. До нас доходили только слухи – о жестокости, о крови, о каком-то огромном выигрыше.

Но все, кому «посчастливилось» попасть сюда, канули в лету.

Ни один не вернулся.

Отсюда напрашивается вывод: все участники погибли. Хотя... может, победители просто исчезали, не желая делиться своим выигрышем? Такое ведь тоже может быть.

Тихо усмехаюсь этой мысли.

Люди из нормальных семей в хищных играх не участвуют. Сюда принимают только самых отчаявшихся, нищих, бандитов, безумцев, убийц и тех, кому больше нечего терять.

Я одна из них. Та, что отчаялась.

Я устала воровать. Устала пахать на двух низкооплачиваемых работах. Устала постоянно оглядываться. Устала бежать от своего прошлого.

От той боли, которую причинила мне мать, торгуя моим телом.

Мне множество раз приходилось терпеть насилие. Так продолжалось почти до семнадцати лет.

А потом меня будто подменили.

Прежняя молчаливая Кира, всё терпящая – умерла.

На её место пришёл зверь. Он начал защищать меня сам.

Однажды мне пришлось подраться с матерью, чтобы показать ей: больше я не позволю обращаться со мной так.

С тех пор я стала главной в нашей семейной иерархии.

Стало ли мне от этого легче? Не особо. На меня навалилось ещё больше обязательств.

И в какой-то момент мне просто всё это осточертело.

Поэтому в свои двадцать два года я решила кардинально изменить свою жизнь.

А возможно – и лишиться её. Ведь я приняла решение участвовать в хищных играх.

Из динамиков доносится протяжный сигнал. Все участники вздрагивают, и я не исключение: мышцы непроизвольно напрягаются, а дыхание на мгновение перехватывает.

Долгий, тягучий звук тянется над площадкой. Он глухо отдаётся в груди, вызывая бурлящее чувство тревоги.

Из темноты, словно материализуясь из сгустившегося ту-

мана, появляются две фигуры.

Первая – высокая мужская фигура, внушительная и широкоплечая. Чёрный костюм сидит безупречно, подчеркивая статный силуэт. Движения спокойные, ленивые. Походка вальяжная, уверенная – он идет так, будто вся эта площадка, все мы, принадлежим ему.

Рядом с ним танцуя шагает другой мужчина – поджарый, чуть ниже ростом. На нём длинный кожаный плащ, распахнутый при ходьбе, обнажая...

Я щурюсь, пытаюсь разглядеть получше. Что это – шутка? Или он действительно... голый под этим плащом? В голове мелькает абсурдная мысль, от которой хочется нервно рассмеяться, но я подавляю ее.

– Глаза в пол! – резко командует страж.

Мы послушно опускаем головы. Взгляд упирается в шершавый асфальт под ногами. В воздухе повисает тяжелая тишина, нарушаемая лишь нашим прерывистым дыханием.

Проходит несколько долгих секунд и мужчины останавливаются прямо напротив нас.

Сразу чувствую запах дорогого парфюма. Он тяжёлый, густой, но чертовски хорош. Древесные ноты переплетаются с терпким табаком, а поверх ложится какой-то странный, едва уловимый оттенок, который я никогда раньше не встречала. Этот аромат не просто витает в воздухе – он будто въедается в него, заполняет собой всё пространство, щекочет сознание, заставляет дышать чаще.

– Здравствуйте, зайчики, – раздаётся издевательский голос с хрипотцой.

Передо мной быстро проходят черные кроссовки, надетые на босую ногу. Я невольно задерживаю взгляд на этой нелепой детали. От мужчины исходит смешанный запах пота и одеколона, резкий и неприятный, контрастирующий с изысканным ароматом его спутника.

Я всегда была нюхачом. Всё время машинально улавливаю запахи, различаю даже самые тонкие оттенки – это как дар или проклятие, не знаю. Сейчас эти ароматы складываются в картину, которую я не хочу видеть: власть и слабость, роскошь и нищета, контроль и хаос.

– Глаза в пол! – властно выкрикивает мужчина, тот самый эксгибиционист в распахнутом пальто.

Мои челюсти непроизвольно сжимаются до скрипа зубов. Внутри всё кипит от унижения. Злость медленно, но неумолимо закипает внутри, поднимаясь откуда-то из глубины груди. Я сцепляю пальцы за спиной. Чувствую, как напрягаются мышцы рук, как вены на запястьях пульсируют от напряжения. Но я заставляю себя не выдать эмоций.

– Дамы и господа, – раздаётся бархатный, вибрирующий голос. Он звучит одновременно рядом с нами и из динамиков, заполняя пространство. – Приветствую вас на Хищных играх.

Он делает паузу, и в этот момент раздаются аплодисменты.

– Хлопаем, хлопаем, зайчики! – снова мимо пробегают черные кроссовки. Мужские ладони с длинными, тонкими пальцами на секунду задерживаются прямо у меня под носом, демонстративно хлопая в ладоши. От них веет запахом травы и чем-то металлическим.

Я медленно расцепляю пальцы, сжатые за спиной в попытке сдержать злость. Неохотно хлопаю вместе с остальными двенадцатью участниками. Движения получаются механическими и безжизненными.

– Достаточно, – властно отрезает голос, и аплодисменты мгновенно стихают, словно их и не было.

Тихо выдыхаю, выпуская накопившуюся злость. Внутри всё горит.

– Меня зовут Кэдмон Ликос, – неторопливо, с расстановкой произносит бархатный голос. – Я организатор данных игр. Вам оказана честь быть участниками этого зрелищного мероприятия для высокопоставленных лиц.

Над головой что-то громко жужжит и пролетает – я хмурюсь, пытаюсь понять, что это. На асфальте мелькает тень. Но долго размышлять не приходится. Кэдмон тут же поясняет:

– Повсюду установлены камеры, – его голос становится еще более властным. – Также мы используем квадрокоптеры, чтобы максимально погрузить наблюдателей в игру. Вы будете под постоянным наблюдением. Единственное место, где вас не будут транслировать, это уборная и туалет, само

собой.

Мысленно матерюсь, швыряя в адрес богатых ублюдков самые изощренные проклятия, какие только могу придумать. В голове вертятся образы: роскошный зал, набитый напыщенными зрителями, их хохот, когда на экранах появляется очередной «забавный» момент нашей агонии.

«Хоть в туалете на нас смотреть не будут, благодарю и на этом», – горько усмехаюсь про себя. Но тут же мысль бьёт, как хлыст: а ведь наверняка среди них найдутся такие извращенцы. Те, кому мало общего зрелища им подавай что-то поэкзотичнее. И если один из этих мерзавцев хорошо заплатит, чтобы взглянуть на сей «процесс», организатор ему не откажет.

Я прям вижу, как он облизывает губы, подписывая чек за дополнительную камеру.

А мы об этом даже не узнаем.

Внутри всё сжимается от ярости и отвращения. Я стискиваю зубы так сильно, что челюсти начинают ныть. Пальцы произвольно сжимаются в кулаки.

Как же это мерзко – осознавать, что ты не человек, а всего лишь игрушка, объект развлечения для тех, кто считает себя выше нас. Мы – звери в клетке, выставленные на потеху публике. И каждый наш вздох, каждый шаг, каждое мгновение слабости записывается, анализируется, продаётся.

Глубоко вдыхаю, пытаюсь унять бурю эмоций. Нельзя показывать слабость. Нельзя дать им увидеть, как сильно это

меня задевает. Внутри всё кричит от бессилия и гнева.

Чёрные дорогие туфли подходят ближе. Я уже видела подобные в домах богачей, которых периодически грабила. Такая обувь стоит не меньше двух тысяч баксов.

Насыщенный аромат парфюма становится гуще, и я машинально втягиваю его в себя.

Так пахнут самодостаточные, властные, обеспеченные мужчины. Запах уверенности. Запах денег.

Когда-то я мечтала о таком. Представляла рядом мужчину, который пахнет именно так – дорогим табаком, древесными нотами, уверенностью и спокойной силой.

Но быстро выбросила эту мысль из головы. Потому что поняла простую вещь: я им не ровня.

Нищенка и миллионер – это клише из книжных романов. В реальной жизни таких историй не бывает.

– Правила просты, – слишком близко раздается вибрирующий голос. – Говорите только с разрешения. При мне отрываете взгляд от земли исключительно с моего разрешения. Что касается правил самой игры – ваша задача развлекать публику, – чёрные туфли делают шаг в сторону от меня, – ну... и постараться выжить как можно дольше. В каждом испытании обычно погибает минимум один участник.

– Зайчики, – вклинивается издевательский голос, – но ваша задача продержаться подольше. Ведь чем дольше и кровавее игра, тем больше выигрыш в конце.

Я слышу, как Кэдмон медленно и шумно выдыхает. Даже

не поднимая головы, чувствую: дерганный его раздражает.

– Хочу представить вам Дэмиана Ликоса. Он будет вести игру, – спокойно говорит Кэдмон.

– Будет весело, – шепчет Дэмиан в микрофон. – Побегает, зайчики.

От его голоса по спине пробегают ледяные мурашки. Хочется взглянуть на этих ненормальных, но я изо всех сил контролирую себя, заставляя взгляд оставаться прикованным к асфальту.

– Чувак, какого хрена ты называешь нас зайчиками? – вдруг резко, вызываяще, раздаётся голос Граса.

В воздухе повисает тишина. Мне кажется, в этот момент все перестают дышать.

Дэмиан, стоящий неподалёку, издаёт короткий смешок и с явным наслаждением произносит:

– Есть... У нас тут смертник.

Гарри рядом нервно сглатывает. Все ждут какое наказание последует за нарушением первого правила. Напряжение настолько густое, что его можно потрогать.

– Анубис, подай мне пистолет, – звучит спокойный голос Кэдмона.

Проходит несколько томительных секунд. Затем по асфальту раздаётся мерный стук шагов. Появляются золотистые туфли – начищенные до зеркального блеска, и брюки того же цвета, идеально отутюженные.

– Прошу вас, сэр, – произносит он ровным, бесстрастным

ГОЛОСОМ.

В голове бьется одна мысль: «Сейчас что-то произойдёт».

– Граз... – Кэдмон произносит это имя так, будто смакует его. Затем, чуть повысив тон, он обращается к невидимой аудитории:

– Уважаемые зрители, начнём знакомство с нашими игроками.

В тот же миг прожектор резко бьёт в то место, где стоит рыжий Граз. Свет настолько яркий и резкий, что даже я, стоящая в стороне, невольно щурюсь.

– Вашу мать! – сдавленно шипит ослепленный Граз.

– Первый участник – Граз, – продолжает Кэдмон, медленно вышагивая вдоль нашей шеренги. – Скользкий тип, вечно ищущий, где бы разжиться легкими деньгами. Сюда пришёл, посчитав, что именно здесь и найдёт те самые лёгкие деньги.

Дэмиан, стоящий чуть поодаль, начинает хрипло смеяться. Его смех неприятный, режущий слух, звучит как скрежет ржавого металла.

– А нашёл смертушку, – добавляет он злорадно.

Я машинально поднимаю взгляд и тут же встречаюсь глазами с Кэдмоном.

Меня словно ошпаривает кипятком. Я нарушила правило. Хуже того – открыто, вызывающе смотрю прямо в его жёлто-зелёные глаза, в которых сейчас читается гнев, удивление

и интерес.

На секунду всё внутри замирает, кровь стынет в жилах. Но, осознавая, что он уже заметил мой взгляд, я усилием воли не отвожу глаз.

«Что будет – то будет, – твёрдо решаю я, стискивая зубы. – Пошёл он к чёрту. Я не стану прятаться».

Вокруг повисает гнетущая тишина. Она давит на уши. Слышно лишь прерывистое дыхание участников и отдаленное гудение техники.

Кэдмон не спешит. Он изучает меня, будто решая, что делать дальше.

Он слегка наклоняет голову вбок, и чёрная прядь челки выпадает из идеально уложенных волос, нарушая безупречность образа. На вид ему максимум лет тридцать. Высокий, статный, с хищными чертами лица. Чёрный костюм сидит безупречно, подчеркивая спортивную фигуру. Сильная рука уверенно удерживает пистолет – оружие кажется продолжением его самого. На запястье тяжёлые дорогие часы с массивным корпусом, их циферблат ловит отблески прожектора.

Его зрачки расширяются, ноздри раздуваются будто он принюхивается. Взгляд тяжёлый, пронизывающий, словно сканирующий душу.

Тяжело держать этот взгляд. Я чувствую, как по спине стекает холодная капля пота, оставляя мокрую дорожку. На ме-

ня смотрит не человек — демон, вышедший из ночных кошмаров, или опасный хищник, уверенный в своем превосходстве.

Внутри всё начинает дрожать, колени готовы подогнуть-ся, но я заставляю себя стоять ровно. Сжимаю кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони. Я слышу собственное громкое сердцебиение. И жду, что будет дальше.

— Котенок, — Дэмиан делает пару стремительных шагов и оказывается прямо напротив меня. Его дыхание чуть сбито, будто он только что бежал. — Ну зачем? Я даже не успел поиграть с тобой, он оттопыривает нижнюю губу и театрально хмурит брови, изображая обиду.

Дэмиан чуть ниже Кэдмона и в целом меньше размером, но не кажется слабее — скорее, более пружинистым, подвижным. В нём чувствуется какая-то звериная энергия, готовая вырваться наружу. На нём кожаное пальто на голое тело, застегнутое лишь на пару верхних пуговиц, под ним видна смуглая кожа и тонкие волоски на груди.

Янтарные глаза Дэмиана будто светятся изнутри в преломлении света прожекторов и окружающей темноты. Они мечутся по моему лицу, как у безумца или загнанного зверя: то задерживаются на губах, то впиваются в глаза, то скользят по волосам. Каштановые волосы аккуратно зализаны назад, открывая высокий лоб и подчеркивая острые, хищные черты лица.

«Оба Ликоса очень хороши собой, — с горечью думаю я. —

Но конченные мрази. Красивые, опасные, безумные».

Молчу, пытаюсь поймать его взгляд. Хотя бы на секунду зафиксировать его внимание. Но это практически невозможно: он слишком возбужден, его глаза не задерживаются ни на чём дольше мгновения. В этом есть что-то пугающее – будто перед тобой не человек, а существо, живущее на грани безумия, наслаждающееся хаосом и страхом других. Каждый его жест, каждый взгляд заставляет кожу покрываться мурашками.

Дэмиан рывком, наклоняется ко мне и шумно, с хрипом вдыхает воздух у самой моей шеи. От неожиданности все мои мышцы мгновенно напрягаются до предела. Я невольно делаю небольшой шаг назад.

– Как ты необычно и... вкусно пахнешь, – произносит почти шепотом.

Он фиксирует на мне взгляд, и я замираю.

Его зрачки расширились до предела – медовая радужка стала практически чёрной, поглотив весь цвет. В этих глазах нет ничего человеческого. Я машинально сглатываю, чувствуя, как по спине пробегает озноб. Мне даже на секунду кажется, что от него исходит запах какого-то зверя... что-то наподобие собаки. Точно такой же мускусный аромат я слышала от овчарки, которая была у меня в детстве. Тогда он вызывал у меня восторг и любовь, а сейчас лишь страх и отвращение.

– Дэмиан, не приставай к девушке, – раздаётся голос Кэд-

мона. Он смотрит на меня, слегка вздернув подбородок, на губах еле заметная ухмылка.

Кэдмон наблюдает за этой сценой, как за спектаклем, который сам и поставил.

Дэмиан ещё секунду держит меня изучающим взглядом. Затем резко отступает и, развернувшись, танцующей походкой проходит вдоль шеренги, насвистывая какую-то мелодию.

Я наконец начинаю глубоко дышать. Сердце колотится где-то в горле, ладони вспотели.

Кэдмон вальяжно подходит ко мне. Каждый шаг выверен, каждое движение наполнено ощущением власти. Одним плавным взмахом руки он подаёт знак, и прожектор тут же разворачивается в мою сторону, ослепляя резким, беспощадным светом. Я инстинктивно прикрываю глаза ладонью, щурясь, пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь эту ослепительную пелену.

– Кира, – произносит он бархатно, – второй игрок, нарушивший мои правила.

Он щелкает языком. В глазах мелькает холодная насмешка.

– Я уже решил, какое наказание будет для этих двоих, – продолжает он, – но для начала я представлю данную участницу.

Кэдмон медленно берётся горячими пальцами за мою руку и твердо отводит ее от глаз.

Его взгляд жёлто-зелёных глаз не моргает. Он изучает меня, как экспонат в музее. Уголок губ приподнимается в едва заметной ухмылке, в которой читается превосходство.

– Итак, Кира, – его голос становится чуть тише, но от этого звучит ещё весомее. – Упрямая, наблюдательная, выносливая. Умеет сохранять холодную голову даже в критических ситуациях. Пришла на игру, чтобы заполучить денежный приз – и вырваться из жизни, где ей приходится выживать. Из нищеты, безысходности, и ежедневной борьбы за кусок хлеба.

Кэдмон хмыкает, слегка приподнимает чёрную бровь.

– Нелепый выбор, – медленно произносит он, растягивая слова. – Прийти в игру на выживание, чтобы выбраться, по сути, из такой же игры... Но, думаю, твоё решение раз и навсегда освободит тебя от стенаний. Возможно, даже раньше, чем ты ожидала.

Воздух вокруг становится густым и колючим. Я чувствую, как под его взглядом внутри всё сжимается.

Кэдмон делает три широких шага назад. Прожектор, направленный сверху, окутывает его фигуру светом, придавая силуэту ещё более внушительный и устрашающий вид. Тень ложится на лицо, скрывая глаза, подчеркивая острые скулы и жесткую линию подбородка. Его фигура кажется огромной, словно статуя древнего бога, решающего судьбы смертных.

– Граз, подойди ко мне, – голос Кэдмона звучит ровно, без эмоций. Он пальцем подзывает парня. – Участники, можете

поднять взгляд.

Я осторожно кошусь на остальных. Гарри, стоящий рядом, бросает короткие, настороженные взгляды исподлобья на ведущих. За его округлым животом мне почти не видно остальных участников – только мелькают чьи-то плечи, руки и ноги. Слегка выглядываю, пытаюсь оценить обстановку.

Граз застыл на месте. Но Дэмиан тут же реагирует: резким толчком в спину он заставляет парня сделать шаг вперёд. От неожиданности Граз едва не падает, но успевает поймать равновесие, в последний момент ухватившись рукой за стоящую рядом Сашу.

– Пошёл, – скривившись, бросает Дэмиан и снова подталкивает его в спину.

Когда Граз наконец оказывается рядом с Кэдмоном, я отчётливо вижу, как спесь постепенно сползает с его лица, обнажая настоящий страх. Его губы дрожат, руки слегка трясутся, а взгляд мечется между Кэдмоном и остальными участниками.

Кэдмон медленно переводит взгляд с ГрАЗа на меня. Его глаза с холодным блеском, будто сканируют мою душу.

– Кира, – он слегка кивает головой, указывая на место рядом с Гразом, – сюда.

Проглатываю образовавшийся в горле нервный ком. Все инстинкты вопят: «Беги! Беги от этого человека!» Но бежать некуда. Я это понимаю с леденящей ясностью. Даже если попытаюсь меня либо пристрелят на месте, либо применят ток.

В висках стучит кровь. Но я делаю механический шаг вперёд, заставляя себя идти навстречу опасности.

Воздух наэлектризован. Я чувствую, как пот стекает по спине, а ладони становятся влажными. Каждый шаг отдаётся в ушах, как удары метронома, отсчитывающего последние мгновения моей никчемной жизни.

Граз стоит по правую руку от Кэдмона, я становлюсь по левую. Машинально вытираю мокрые, липкие ладони о футболку. Пальцы чуть подрагивают.

Дэмиан наблюдает за нами со злорадной, маниакальной улыбкой. Его янтарные глаза сверкают в свете прожекторов, отражая первобытный азарт. Порыв холодного ветра колыхает длинный плащ, ткань шуршит, словно крылья демона, готового к нападению.

– Начнём, – резко бросает Кэдмон, и я едва сдерживаю себя, чтобы не вздрогнуть.

– Двое участников нагло нарушили правила, – он медленно указывает дулом пистолета сначала на Граза, затем на меня. – Обычно таких мы сразу выводим из игры... Но в этом году я решил внести изменения. И в голову мне пришла одна идея.

Моё дыхание учащается, становится прерывистым. В груди сжимается от тревоги: я понимаю, что от этого человека ничего, кроме жестокости, ожидать не следует. Он наслаждается нашим страхом, смакует его, как дорогое вино.

– Один из вас продолжит играть, если пройдёт моё испы-

тание, — Кэдмон неторопливо достаёт чёрный платок из нагрудного кармана пиджака. Он начинает нарочито медленно протирать пистолет. Каждое движение выверено, демонстративно.

Тишина повисает в воздухе, густая как туман. Мне кажется, что биение моего сердца слышно даже в лесу.

Я перевожу взгляд на Граза. Его лоб усеян бисером пота, капли стекают по виску. Губы дрожат, руки непроизвольно сжимаются в кулаки и снова расслабляются. Он пытается выглядеть спокойным, но страх уже проступает сквозь браваду.

Дэмиан тем временем ходит туда-сюда вдоль шеренги. Он похож на хищника, ожидающего, когда его выпустят из клетки. Каждый его шаг отдаётся эхом в напряженной тишине, усиливая ощущение надвигающейся опасности.

Наконец Кэдмон заканчивает своё ритуальное действие. Он протягивает ткань Дэмиану, выдерживая паузу, будто ожидая покорного принятия роли слуги. Но не даёт ему времени среагировать: резко раскрывает пальцы, и платок падает вниз.

Дэмиан реагирует мгновенно. Молниеносным движением ловит ткань в считанных сантиметрах от асфальта. Его пальцы сжимают шёлк с такой силой, что костяшки белеют.

На долю секунды маска безумия спадает с его лица, обнажая истинную сущность. Черты искажает гримаса чистой, неприкрытой ненависти. Взгляд становится ледяным, губы сжимаются в тонкую линию, между бровей появляется глу-

бокая складка. В этот миг он выглядит не безумцем, а хищником, загнанным в рамки чужой воли.

Теперь становится абсолютно ясно: ему невыносима эта второстепенная роль, роль покорного подчинённого рядом с властным Кэдмоном.

Дэмиан с явным отвращением засовывает платок в карман длинного плаща. А уже в следующую секунду маска возвращается на место: губы растягиваются в широкой, маниакальной улыбке, глаза загораются лихорадочным огнем, голова слегка наклоняется в притворно-почтительном жесте. Безумец. Маньяк. Шут. Всё это лишь маски, за которыми скрывается что-то очень опасное.

Кэдмон неторопливо протягивает пистолет Гразу.

– Пристрели её и пройдёшь в игру, – коротко бросает он, пристально глядя на рыжего. Его голос звучит буднично и равнодушно.

У меня внутри всё холодеет, кровь отливает от лица, по спине пробегает ледяной пот. Мир вокруг будто замедляется, звуки приглушаются, кроме одного – бешеного стука сердца.

– Ты больной?! – хрипло выкрикивает Граз, отшатываясь. – Я не буду никого убивать!

Кэдмон тут же разворачивается ко мне и протягивает пистолет, глядя прямо в глаза.

– Пристрели его и пройдёшь дальше. В случае отказа

умрете оба, – говорит он спокойно, без тени эмоций. Ни один мускул не дрогнул на его лице – будто он не выносит смертный приговор, а обсуждает погоду.

Я замираю, всё тело онемело. Только сердце бьётся о рёбра с такой силой, что, кажется, вот-вот сломает кости. Понимаю: если сейчас замешкаюсь или дам отказ, он просто выпустит пулю мне в лоб – и игра продолжится без меня, как ни в чём не бывало.

– Даю пять секунд, – он смотрит на меня сверху вниз. – Время пошло. Один...

Руки начинают предательски дрожать, зубы стучат друг о друга, по лбу скатывается капля пота. Я протягиваю руку за оружием. Пальцы едва слушаются.

– Два, – продолжает отсчёт Кэдмон.

Граз округляет глаза, лицо становится мертвенно-бледным, губы дрожат.

Ствол ложится в ладонь и от этого прикосновения меня бросает в дрожь. Металл горячий, нагрет рукой Кэдмона

– Три, – безжалостно отсчитывает Кэдмон.

– Ты не сделаешь этого... – шепчет Граз, судорожно качая головой, в его глазах читается мольба и ужас.

– Четыре, – голос Кэдмона режет слух, как нож.

Вскидываю пистолет.

В ушах стоит оглушительный звон, сердце разогналось так, что его стук сливается в один сплошной гул, отдаваясь во всём теле. Я не хочу отнимать жизнь у этого парня – он такой же заложник этой игры, как и я. Но моя жизнь для меня дороже. Я пришла сюда не для того, чтобы так нелепо погибнуть.

– Прости, – едва слышно шепчу я, и в этот момент мир будто замирает.

– Пять, – доносится до меня, словно издалека.

Выстрел.

Пуля врежется точно в переносицу Гроза. Звук выстрела разрывает тишину, и мир на миг замирает. Он застывает, глаза широко раскрыты, в них – чистый, неподдельный шок. Красная точка появляется на лбу, мгновенно разрастается, и алая струйка крови, стекает по бледной коже, оставляя за собой кровавый след.

Тело падает навзничь с глухим стуком, ударяясь о холодный асфальт. Гроз хрипит, его грудь судорожно вздымается, пальцы царапают поверхность, будто пытаются ухватиться за что-то невидимое, за ускользающую нить жизни.

Кто-то из девушек в шеренге издаёт пронзительный, истерический крик – он доносится до меня, словно сквозь толщу воды, приглушенный, далёкий, нереальный.

Я стою, парализованная, и смотрю на его бьющееся в предсмертных судорогах тело.

Назад дороги нет. Выход только один – либо ты, либо тебя. Жестоко? Да. Но разве не такова вся моя жизнь? Вечный выбор между выживанием и смертью, между убийством и гибелью.

Дэмиан бесшумно оказывается рядом. Его пальцы ловко, забирают оружие из моих онемевших рук. Он хлопает меня по плечу, и шепчет прямо на ухо, обжигая дыханием:

– Котёночек, ты молодец. Рад, что смогу поиграть с тобой.

Я не смотрю на него. Мой взгляд прикован к неподвижному телу Гроза. Его судороги стихают, дыхание прекращается. Кровь медленно растекается вокруг головы, образуя темную лужу. В свете прожекторов она мерцает, отражая ночное небо и яркие лучи – как зловещее зеркало, в котором отражается вся жестокая правда этой игры.

В ушах стоит гул, перед глазами плывёт. Я сделала выбор. Теперь придётся жить с этим.

Глава 6

Я вернулась в строй. Стою в шеренге, выравниваю дыхание. Адреналин всё ещё гонит кровь по венам. Ноги будто налились свинцом, стали ватными, а тело слегка дрожит. Откат после выстрела. После смерти.

Это не первая смерть на моих руках. К сожалению, образ моей жизни сложился так, что мне приходилось пачкать руки кровью – и не раз. Но те люди... Они были настоящими ублюдками. Насильниками, любящими маленьких детей. Их мерзкие поступки не оставляли сомнений: они заслуживали смерти. Я грабила их – да, ради денег, ради выживания, – но мстила в первую очередь за себя. За ту маленькую девочку, которую когда-то сломали. И за других детей – таких же беззащитных, как я тогда. В те моменты во мне кипел праведный гнев. Я чувствовала, что делаю правильно. Что восстанавливаю справедливость, пусть и грязным методом.

А Граз...

Просто отчаявшийся парень, такой же загнанный жизнью, как и я. Он пришёл сюда попытать удачи, выиграть билет в лучшую жизнь. Мечтал о чём-то своем, возможно, о доме, о шансе начать всё заново. Но судьба, холодная и безразличная, сделала выбор не в его пользу.

А мне... мне она даровала ещё какое-то время просуществовать в этом бренном мире.

Стражи без слов принимаются за дело: заматывают бездыханное тело парня в плотные черные пакеты. Делают это так мастерски, с такими отработанными движениями, что становится понятно: опыт в этом деле у них огромен. Для них это просто очередная задача, часть жуткого распорядка дня.

Все участники застывают в молчании, наблюдая за этой мрачной процессией. В шеренге только тяжёлое дыхание и редкие судорожные глотки.

Двое стражей подхватывают свёрток и торопливо уносят прочь. Когда они исчезают в темноте, все переводят взгляд на асфальт. Там, на сером бетоне, остаётся лишь кровавая лужа. Она блестит в свете прожекторов. Густая, темная, с неровными краями. Это символ. Символ того, что завтра на этом месте могу оказаться и я.

Дэмиан медленно наклоняется к густой, вязкой луже крови. Его тень падает на асфальт. Указательный палец касается верхней кромки – он проводит им по границе, собирая тёмную жидкость, затем выпрямляется. Взгляд, который он бросает в толпу, звериный, первобытный: от него по коже бегут ледяные мурашки, а волосы на затылке буквально встают дыбом.

Я осторожно выглядываю из-за толстого живота Гарри. За ним стоит рыжая девушка. На её футболке крупными буквами написано «Муна». Руки опущены вдоль тела, но пальцы не находят покоя: они то сжимаются, то разжимаются, перебирают воздух. Она бросает на Дэмиана короткие, испуган-

ные взгляды.

Он приближается к ней вплотную. Резким движением вздёргивает ее подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. Затем, не отрывая взгляда, демонстративно облизывает кровь с пальца. Медленно, с наслаждением, смакуя момент.

Тошнота мгновенно подкатывает к моему горлу, скручивает внутренности. Если бы в желудке было хоть что-то, меня бы вырвало прямо здесь. Я стараюсь сдержать подступающую волну отвращения.

Муна резко отшатывается, делает шаг назад. Дэмиан закидывает голову и издает хриплый, гортанный смех. Он наслаждается её ужасом, смакует его. В его глазах безумный блеск, улыбка растягивается в пугающей гримасе. Он получает явное удовольствие от страха людей, от их беспомощности, от того, как они сжимаются под его взглядом.

Никто не решается издать ни звука. Все замерли, боясь привлечь к себе внимание этого зверя в человеческом обличье.

Кэдмон неторопливо возвращается к нам. До этого он стоял неподалёку и что-то обсуждал со стражем на том странном языке, который звучит словно древнее проклятие. Точно латынь, отрывистая и резкая. В ней нет плавности классической речи, там жёсткие согласные и тягучие, угрожающие гласные.

– Дэмиан, в сторону, – бросает Кэдмон, делая пренебрежительный взмах рукой.

Дэмиан на мгновение замирает. Его взгляд, брошенный исподлобья, полон скрытой ярости и раздражения, но он тут же подавляет вспышку. Молча отступает в сторону – туда, где совсем недавно стоял Граз.

Кэдмон поворачивается к нам спиной и, обращаясь к множеству чёрных объективов камер, начинает говорить торжественно:

– Господа, продолжим.

Из динамиков раздаются аплодисменты. Стражи тут же подхватывают их, хлопая в ладоши с механической синхронностью. Дэмиан, стоя в стороне, стреляет в нас глазами и выразительно хлопает в ладоши, показывая, что и мы должны присоединиться. Я поднимаю руки и машинально повторяю за остальными, чувствуя, как внутри всё сжимается от безысходности.

Кэдмон резко взмахивает рукой и аплодисменты мгновенно стихают.

– Надеюсь, вам понравилось наше вступление, и вы по достоинству оцените игрока по имени Кира, – он не оборачиваясь, указывает на меня пальцем. – Напоминаю: ставки можно увеличивать на протяжении всей игры.

Глубоко вдыхаю, сворачиваю губы трубочкой и протяжно выдыхаю, пытаюсь вернуть контроль над телом. Но пульс все еще скачет. На меня это совсем не похоже. Обычно я быстро беру себя в руки, но сейчас напряжение последних дней дало о себе знать. Нервная система кричит о перегрузке, тре-

бует передышки, а я знаю: никакой передышки не будет. Игра только началась.

– Сейчас я познакомлю вас с остальными участниками и приступим к вступительному испытанию, – Кэдмон слегка наклоняет голову и поворачивается к нам.

Внутри всё обрывается. Я-то думала, нам дадут хоть немного отдохнуть, что *это* и было вступительным испытанием, а оказывается, впереди нас ждёт ещё что-то.

Проглатываю ком в горле, мельком провожу взглядом по Кэдмону и снова смотрю прямо перед собой. Не хочу вновь создать себе неприятности – в следующий раз удача может повернуться ко мне задницей.

Кэдмон Ликос подходит к другой стороне строя.

Мысленно выдыхаю с облегчением: наконец-то мою персону оставили в покое. Напряжение чуть отпускает.

– Саша, – голос Кэдмона разрезает тишину, и в тот же миг яркий прожектор бьет в лицо худой девушки, ослепляя её. Она инстинктивно жмурится.

– Бывшая спортсменка, профессиональная бегунья, – продолжает Кэдмон, растягивая слова с нарочитой медлительностью. – Загубила карьеру, подсев на запрещенные вещества.

Он цокает языком, медленно качает головой, в этом жесте столько пренебрежения, что девушка невольно съеживается.

– Пришла в игру, чтобы забрать куш и оплатить свое *триумфальное* возвращение в большой спорт, – Кэдмон бросает на нее скептический взгляд и делает шаг в сторону.

Девушка с копной афрокосичек, завязанных в хвост, сглаживает так сильно, что слышно даже мне.

– Пинки, – Кэдмон усмехается, покачивая головой. Его взгляд скользит по её фигуре с пренебрежительной оценкой. – Хочет денег, чтобы стать звездой рэпа. Маменькина дочка, залюбленная и избалованная. Решила показать, какая она самостоятельная и может всё сама. Глупо, Пинки. Очень глупо...

– Блэйд, – он щелкает пальцами, и луч прожектора перемещается на следующего участника.

– Сильный, спокойный. Бывший военный. Деньги нужны, чтобы оплатить лечение младшей сестрёнки... Как трогательно, да, господа? – Кэдмон ухмыляется, задерживая взгляд на мужчине.

Блэйд стоит неподвижно – коренастый, крепкий, но гораздо ниже ростом. Он не поднимает глаз, покорно смотрит в землю, как и все мы. В его позе читается не просто подчинение, а какая-то внутренняя усталость, будто он уже смирился с тем, что его судьба сейчас решается не им.

– Дальше у нас – Моника, – Кэдмон тянет имя, медленно, оценивающе оглядывая фигуристую блондинку с ног до головы, задерживаясь на каждой детали ее тела.

– Моника очень любит мужское внимание и зарабатывает этим на жизнь, – его губы кривятся в усмешке. – Хочет открыть бордель, а еще, господа, она пришла сюда в поисках своего покровителя.

Дэмиан, стоящий неподалёку, улыбается и потирает нос, не отрывая взгляда от девушки.

– Делайте ставки, господа, – внезапно вклинивается он. – И у вас ещё будет возможность познакомиться с Моникой поближе, если, конечно, она доживет до того дня, – он скалится, обнажая зубы в хищной улыбке.

– Дэмиан Ликос, – голос Кэдмона звучит, как удар хлыста. – Благодарю за содействие, но я не давал вам слово. Впредь ждите своей очереди.

Я замечаю, как напрягаются жилы на его сильной шее.

– Прошу прощения, ваша светлость, – с притворным смирением произносит Дэмиан и делает театральный поклон.

Кэдмон неторопливо расстегивает верхнюю пуговицу чёрной рубашки. Разминает шею, слегка наклоняя её из стороны в сторону. Затем делает шаг к следующему участнику.

Перед ним стоит высокий, спортивный мужчина лет двадцати пяти. Темные волосы коротко стрижены. Резкие черты лица, прямой нос, высокий лоб, взгляд упирается в асфальт. Челюсти сжаты так сильно, что на скулах играют желваки.

Кулаки тоже сжаты – сбитые, с заживающими ссадинами и старыми шрамами.

– Андриан, – протягивает Кэдмон. – Быстрый, увертливый, хитрый и безумный. Всё, как мы любим, да, уважаемая публика? – на его губах появляется загадочная улыбка.

– Безумие – это пропуск на следующий уровень, – кивает Дэмиан.

– Андриан – бывший легкоатлет, – продолжает Кэдмон, делая три размеренных хлопка в ладоши. – Потерял карьеру из-за пристрастия к алкоголю. Проиграл свою жену в казино. Пришёл в игру в надежде получить выигрыш и выкупить девушку из рабства.

Кэдмон совершает резкий, молниеносный бросок – его рука рассекает воздух, словно клинок, и в полёте ловит квадрокоптер, скользящий мимо. Движение настолько стремительное и точное, что кажется сверхъестественным. Он держит аппарат в ладони, как пойманную птицу, и смотрит прямо в объектив камеры. Его глаза прищурены, в них пляшет опасный огонёк, а губы растягиваются в демонической улыбке, обнажающей белоснежные зубы. Не улыбка, а оскал хищника.

– Господа, – его голос звучит низко и властно, – в этом сезоне очень интересные персонажи. Вы можете выбрать для себя одного из них и вести его всю игру. Приобретать ему оружие, либо, наоборот, создавать ещё больше опасностей, – он делает паузу, смакуя каждое слово. – Делайте выбор.

Делайте ставки.

Резким движением он швыряет квадрокоптер вверх. Аппарат прокручивается несколько раз вокруг своей оси. Затем делает широкий круг вокруг нашей шеренги. Камера медленно поворачивается, задерживаясь на каждом лице, а затем резко набирает высоту и уносится в темноту.

Тишина. Мы стоим, не шевелясь, чувствую себя не игроком, а марионеткой в руках кукловода.

– Стэфан, – Кэдмон указывает на худого парня. – Работал наёмником в горячих точках. Получает удовольствие от денег, опасности и убийств. Собственно, за этим сюда и пришёл.

Кэдмон делает несколько шагов и останавливается возле следующего участника – нервного парня, который постоянно переступает с ноги на ногу. Он вытирает пот со лба трясущейся рукой, пальцы дрожат. Ему чуть за двадцать: невысокий, сухой, с бегающими глазами. Он пытается выглядеть уверенно, но всё его тело выдаёт напряжение.

– Питр любит острые ощущения, – продолжает Кэдмон, разглядывая его с пренебрежительной усмешкой. – Профессиональный паркурщик и вор. Пришёл сюда за острыми ощущениями... – он пожимает плечом и добавляет: – Слабоватый персонаж.

Ещё трое и Ликос окажется возле меня. Во рту всё пересохло, язык прилипает к нёбу. Мне крайне не хочется вновь контактировать с этим монстром – его взгляд, его голос, его

присутствие вызывают во мне первобытный страх.

Сейчас он подходит к следующему участнику – полнова-
тому мужчине с женоподобной фигурой. Его маленькие руки
нервно теребят край футболки. Щеки залиты густым крас-
ным румянцем, на лбу блестят капли пота. Голова почти лы-
сая – лишь по бокам остались редкие полосы волос, влажные
и прилипшие к коже. Мужчина избегает взгляда Кэдмона,
смотрит в землю, его дыхание прерывисто, а плечи слегка
подрагивают. Он выглядит так, будто вот-вот сорвется и по-
бежит.

Кэдмон брезгливо морщится, его губы кривятся, когда он
смотрит на Виктора – с откровенным, ничем не скрытым
презрением.

– Виктор... – произносит он медленно, растягивая слоги.
– Бизнесмен, потерявший всё. В том числе и семью. Которую
пустили на ремни за его долги. Пришёл сюда за последним
шансом. Побоялся той же участи, которая выпала на долю
его жены и детей...

Ликос не задерживается возле него. Он делает шаг в сто-
рону и останавливается перед следующим участником – дол-
говым татуированным мужчиной с сальными, слипшими-
ся прядями волос. Тот, как и я, время от времени бросает
осторожные взгляды на других участников и ведущих. Ведь
нам разрешено это делать, и наказания не последует. Он по-
стоянно облизывает тонкие, потрескавшиеся губы, а глаза

похотливо бегают по девушкам в шеренге.

– Чейз, – Кэдмон качает головой. – Любитель маленьких детей – за это, собственно, и отбывал наказание. Освободившись, вернулся к своим злодеяниям. И, поняв, что его вот-вот поймают, решил податься к нам.

Кэдмон делает короткую паузу и прикрывает глаза. Я замечаю, как играют мускулы на его скулах.

А у меня внутри разгорается всепоглощающая ярость. Кровь стучит в висках. Я бы без колебаний пристрелила эту мерзкую тварь, которая истязала детские тела. Обязательно воплещу это в жизнь при первом же подвернувшемся случае.

Ликос продолжает:

– Чейз любит насилие и думает, что игры – идеальное место для него. А выиграв, он пустит деньги на взятку, чтобы остаться на свободе и продолжить свои преступления.

Кэдмон едва кривится, словно от неприятного запаха, делает два плавных шага и оказывается возле рыжей молоденькой девушки. Она едва сдерживает дрожь, когда он с явным интересом осматривает её – медленно, оценивающе, задерживаясь взглядом на каждом изгибе фигуры. Затем берёт пальцами за подбородок и слегка приподнимает, заставляя посмотреть ему в глаза. Уголок его губ едва заметно приподнимается. Он ухмыляется и бархатным, обманчиво мягким голосом произносит:

– Как вы могли заметить, господа, в этой игре у нас присутствуют прекрасные девушки.

Он отпускает лицо девушки, но ещё несколько секунд задерживает на ней взгляд, словно смакуя момент.

– Мой брат сам подбирал участников. И, так как он является большим ценителем слабого пола, то разбавил коллектив такими прекрасными созданиями...

Внезапно его взгляд метнулся ко мне. Я встречаюсь с ним глазами. Кэдмон коротко подмигивает. Это вводит меня в ступор.

– Муна, – произносит он низким голосом, и звук выходит чуть рычащим.

– Юная рыжая бестия. Воришка, мошенница. По своей неопытности нажила врагов в крупной криминальной организации, которая поставила её на счётчик. Долг растёт с геометрической прогрессией. И в дату «икс», если она его не вернёт, вся её большая семья пойдет на органы – включая её саму. Пришла за выигрышем, как за спасением...

– Хороша чертовка, – хрипло произносит Дэмиан, не моргая, пожирая Муну взглядом. Его глаза горят неприкрытым вождением, а на губах играет хищная улыбка.

– Согласен, – кивает Кэдмон, и его взгляд на мгновение задерживается на мне. Затем он делает шаг к Гарри.

Слышу, как Гарри резко задерживает дыхание. Он стоит передо мной, чуть сбоку, и я отчётливо вижу, как он втягивает свой большой живот, будто надеется стать меньше, незаметнее, спрятаться от этого внимания, которое ему явно не по душе.

Кэдмон тыкает пальцем прямо в его живот. Гарри вздрагивает всем телом. Он делает крошечный шаг назад.

— Гарри... — протягивает Кэдмон, проводит ладонью по своим темным волосам.

— Что тут сказать... Как и положено в любой игре или сериале, должен ведь быть положительный герой. Наша игра не является исключением, — его губы кривятся в усмешке, а рука небрежно вскидывается в сторону Гарри представляя его публике. — Вот он, наш безгрешный добряк. Всю жизнь проработал охранником. Пришёл сюда за деньгами, чтобы вытащить семью из нищеты. Больше тут нечего добавить, — заканчивает он и резко поворачивает голову, впиваясь в меня взглядом.

Я, как и Гарри, перестаю дышать.

Стараюсь удержать взгляд этого хищника. Он с явным удовольствием играет со мной, наслаждаясь каждой секундой моего страха.

Горячие пальцы касаются моего подбородка. Прикосновение одновременно обжигает и леденит. Его лицо настолько близко, что я различаю мельчайшие детали: тонкую сеть едва заметных морщин у глаз, легкий блеск пота на виске. Чувствую его горячее дыхание на своей коже.

Он втягивает ноздрями воздух у самой моей шеи, по телу пробегают ледяные колющие мурашки. Зрачки в его жёлто-зелёных глазах расширяются, заполняя собой почти всю радужку. Кэдмон слегка наклоняет голову набок, сильнее

приподнимая мой подбородок.

Его запах заполняет всё пространство вокруг – дорогой парфюм с древесными нотами, и... я отчётливо улавливаю что-то дикое, звериное, мускусное. То же самое я заметила у Дэмиана.

От его взгляда становится по-настоящему страшно. В нём азарт охотника, который наконец нашёл достойную добычу. Мне кажется, что на меня смотрит не Кэдмон, а какой-то древний демон, решивший поиграть со мной перед тем, как поглотить.

Сжимаю в ладонях край футболки. Но не отвожу глаз – это похоже на безмолвную битву взглядов. Возможно, это какая-то его личная проверка. И если это так, то я должна пройти её.

Сердце тарабанит в груди так громко, что, кажется, его стук слышат все вокруг. Пульс отдаётся даже в кончиках пальцев. Каждая секунда растягивается в вечность.

Наконец, спустя несколько бесконечно долгих мгновений, он отпускает меня. Плавно разворачивается спиной, и, глядя прямо в камеры, произносит своим властным тоном:

– С Кирой вы уже знакомы. Итак, господа, сделаем десятиминутный перерыв и начнём забег по жизням...

Я медленно восстанавливаю дыхание, пытаюсь прийти в себя после этой короткой, но мучительной схватки.

Глава 7

– Мелкая, но храбрая, – произносит Гарри, глядя на меня своими маленькими, но добрыми глазами.

Пока Ликосы куда-то отошли, можно немного выдохнуть перед началом игры. Напряжение чуть спадает, но не исчезает. Воздух гудит от предчувствия чего-то страшного.

– Я не мелкая. Это ты слишком большой, – киваю на его живот и добавляю с лёгкой насмешкой: – Как ты собираешься бороться, имея на себе такой груз?

Гарри тяжело вздыхает, вытирает каплю пота, стекающую по виску, и пожимает плечами.

– Это не груз, а запас. Вдруг нас будут морить голодом? Вы все умрёте, а я выиграю... Да ещё и приведу тело в порядок, – он пытается улыбнуться.

Хмурюсь, окидывая взглядом его грузное тело.

– Помечтай... – бросаю я, но в этот момент раздаётся резкий вскрик:

– Ублюдок! Не трогай меня!

Выглядываю из-за спины Гарри. Муна стоит напротив Чейза: кулаки сжаты, руки вытянуты вдоль тела, глаза широко распахнуты, в них смесь страха и злости. Чейз хаотично шевелит пальцами в воздухе, скрипуче хихикает, затем чи-

хает и небрежно вытирает сопли сначала рукой, а потом о штаны.

– А не то что? – скалится он, растягивая губы в мерзкой, издевательской улыбке.

Не раздумывая, я резко обхожу Гарри и хлопаю Чейза по плечу:

– Эй.

Он оборачивается и в тот же миг я наношу поставленный удар в челюсть. Спасибо моему покойному дяде. Он появился в нашей семье в моём подростковом возрасте, обучил меня основам самообороны и стрельбы – и вскоре скончался от пневмонии. Но его уроки остались со мной.

Чейз резко отшатывается в сторону, судорожно хватаясь за рот обеими руками. В его глазах мелькает шок, а затем слепая ярость. Внутри меня всё ликует: если бы сейчас под рукой был нож или пистолет, я, не раздумывая, прикончила бы этого извращенца.

Он сплевывает на асфальт кровь и осколок зуба.

Секунда и вот он уже напротив меня. Резкий, хлесткий удар по лицу заставляет меня по инерции развернуться – я теряю равновесие и почти падаю, но крепкая рука Гарри успевает схватить меня за локоть, не давая рухнуть на землю.

Щеку обжигает пульсирующей болью, во рту мгновенно появляется металлический привкус. Я сплевываю кровь на асфальт.

– Сучка, ты мне зуб выбила! – шипит он окровавленным ртом. Его губы дрожат, глаза горят ненавистью.

Медленно поднимая взгляд, слегка улыбаюсь несмотря на боль. Чувствую, как теплая струйка ползёт из уголка рта.

– Я готовлю твой рот для твоих же яиц, – произношу я чётко, медленно, чеканя каждое слово. – Которые отрежу тебе в скором времени.

Мышцы на лице Чейза начинают судорожно подергиваться. Его лицо багровеет, вены на шее вздуваются. Он проводит большим пальцем по горлу, делая угрожающий жест.

– Тебе пиздец, – хрипит он.

Я демонстративно начинаю смеяться.

– Советую тебе не спать, мразь, – произношу я, глядя ему прямо в глаза. Мой взгляд, как у охотника, выследившего добычу.

– Сначала я тебя трах... – яростно начинает Чейз, но его прерывает появление Ликосов. Я резко отступаю назад, становясь в общий строй.

– Котенок, – раздаётся голос Дэмиана. Он разводит руки в стороны с притворной заботой, – что с лицом?

Дэмиан быстрым шагом обгоняет вальяжно идущего Кэдмона. Тот на мгновение вздергивает бровь. Взгляд скользит по мне, затем по Чейзу.

– Эта бешеная на меня напала! – пронзительно визжит

Чейз, тыча в меня дрожащим пальцем.

От удивления мои глаза лезут на лоб. Не ожидала, что этот тип начнёт жаловаться, как обиженный школьник. Хотя чему удивляться? Все маньяки – слабохарактерные трусы с тонкой душевной организацией. Они умеют издеваться только над теми, кто слабее. Мерзкие, ничтожные, серливые засранцы.

– Вот так, без всякой причины, она напала на тебя? – Кэдмон останавливается напротив меня.

Чувствую, как внутри всё сжимается. Надеюсь, наша перепалка не выйдет для меня боком... Но если мне предложат кончить Чейза, то я обеими руками за.

– Он трогал за зад Муну, – раздаётся робкий голос Гарри. Я бросаю на него благодарный взгляд.

Дэмиан заметно напрягается. Его вечная улыбка на мгновение сползает с лица, обнажая что-то жёсткое. Но уже через секунду маска шута возвращается.

– Старый извращенец... Кэдмон, – Дэмиан наклоняет голову. – Можно я сломаю ему руку?

Кэдмон медленно лезет в карман брюк:

– Палец. Один палец.

– Нет! Нет! Пожалуйста! – Чейз визжит, отступает назад, но стражи уже подхватывают его под локти, жёстко фиксируя на месте. Его лицо бледнеет, на лбу выступают капли пота, пальцы дрожат.

Дэмиан неторопливо подходит к нему, берет его правую руку, разглядывает худую пятерню с видом коллекционера, выбирающего экспонат.

– Всего один палец... – тянет он, слегка наклоняясь к Чейзу. – Каким бы ты хотел пожертвовать, Чейз? Может, указательным? Или безымянным?

Чейз мотает головой, его губы дрожат:

– Никаким... Пожалуйста, не надо... Я больше не буду... Дэмиан ухмыляется – медленно, с наслаждением. Его глаза блестят, как у кота, играющего с мышью.

– На меня не действуют просьбы, – произносит он тихо. – Так же, как и на тебя, Чейз, когда твои жертвы молили о пощаде. Ты ведь не слушал их, правда?

Повисает тяжелая тишина. Кто-то нервно сглатывает, кто-то отворачивается. Я смотрю на Чейза – его страх почти осязаемый. Но внутри меня нет жалости. Внутри ликование.

Глаза Чейза округляются – в них застывает животный ужас, зрачки расширяются, а губы дрожат, не в силах издать ни звука до того момента, как Дэмиан резко дёргает его палец. Хруст раздается неожиданно громко, и вслед за ним пронзительный крик Чейза, полный боли и страха.

Я машинально сжимаю челюсти. Внутри поднимается волна удовлетворения – в груди бурлит вулкан, жаждущий продолжения этой расправы, требующий ещё и ещё.

Вздрагиваю всем телом, когда прямо возле моего лица появляются пальцы Кэдмона. Он осторожно, почти нежно промакивает кровь с уголка моего рта чёрным шёлковым платком. Я замираю, выпучив глаза, и смотрю на мужчину перед собой – его лицо бесстрастно, но в глазах мелькает что-то, чего я не могу понять. Кэдмон продолжает своё движение, краем глаза следя за Дэмианом, который с удовлетворением наблюдает за мучениями Чейза.

– Достаточно, – произносит Кэдмон твёрдым, властным голосом. – Надеюсь, всем ясно, что участникам строго запрещены любые сексуальные намеки без обоюдного согласия?

– Да, сэр... – раздаются осторожные голоса.

Киваю головой и нечаянно натыкаюсь на пальцы Кэдмона. Он поворачивается ко мне, медленно засовывает платок в нагрудный карман пиджака, и на мгновение наши взгляды встречаются.

– Похвально, – говорит он, небрежно пожимая плечом, – но необдуманно. Риск получить увечья означает проблемы с прохождением испытаний. Кира, запомни: это одиночная игра. Каждый сам за себя. Поверь, ни один из них, – он обводит взглядом собравшихся, – не стал бы защищать тебя. Напротив, с удовольствием перерезал бы тебе глотку при первой возможности.

Кэдмон делает шаг назад и кивает мне:

– Подумай об этом. Хорошенько подумай.

Чейз тихо стонет. Слова Кэдмона звучат в голове: каждый

сам за себя. Только хищники и жертвы. Впрочем, как в обычной жизни.

Глава 8

Прохладный ночной ветер треплет волосы. Нас развернули лицом к лесу. Он раскинулся перед нами, огромный, затянутый густым, плотным туманом, который стелется между стволами, словно дым от невидимого костра.

Яркая луна подсвечивает густые кроны деревьев – их тёмные силуэты кажутся вырезанными из картона. Раскидистые сосновые лапы отбрасывают на землю длинные, изломанные тени, которые шевелятся при каждом порыве ветра, будто пытаются дотянуться до нас.

Пейзаж выглядит мрачным, пугающим, точно кадр из старого фильма ужасов: тишина и что-то древнее, затаенное в глубине леса.

Где-то вдаль раздаётся уханье совы. Туман медленно ползет между деревьями.

Чувствую, как по спине пробегает холодок. Воздух пахнет сыростью, хвоей и страхом. Ощущение угрозы нарастает с каждой секундой, заполняя грудь, сдавливая горло. Что ждет нас там, в этой туманной мгле?

– Ваша задача проста до безобразия, – раздаётся голос Кэдмона за спиной. Он расхаживает позади нас. – Вам нужно через лес добраться до места вашего пребывания.

– В чём подвох? – невольно вырывается у меня, и я тут же осекаюсь, закусывая губу. Сердце делает кульбит.

– Разряд, – коротко командует Кэдмон.

Ошейник издаёт короткий писк и в ту же секунду мою шею прошибает током. Колющая боль вспыхивает внезапно. Она пронзает всё тело, заставляя мышцы непроизвольно сокращаться, а пальцы судорожно вцепляться в ошейник. Я дергаюсь, пытаюсь сорвать его, но он сидит намертво.

Несколько бесконечных секунд по нервным окончаниям несётся электрический разряд. Мир сужается до этой боли, до глухого стука сердца в ушах.

Разряд прекращается так же внезапно, как и начался.

Стою, тяжело дыша. От бессилия сжимаю челюсти до скрипа зубов.

Чувствую себя собакой на дрессировочной площадке. Перед глазами встает лицо Кэдмона: его самодовольная улыбка, надменный взгляд. Хочется развернуться и вцепиться в эту наглую рожу.

Ненавижу.

Но я лишь сглатываю и поднимаю глаза к лесу.

Кэдмон Ликос оказывается прямо за моей спиной так бесшумно, что я вздрагиваю от неожиданности. Стальным голосом он говорит мне:

– Когда я говорю, все молчат. Кира, соблюдай правила, иначе следующий раз для тебя может стать последним.

От его тона мои пальцы начинают подрагивать. Я сжимаю край футболки, стараясь унять дрожь, чтобы никто этого не

заметил. В груди сжимается. Киваю, не оборачиваясь, и делаю глубокий вдох, пытаюсь унять бешеный ритм сердца.

– Продолжим, – раздаётся голос Кэдмона. Он идёт дальше по строю. – Вам нужно добраться до своих хижин. Каждая из них подписана вашим именем. Как только вы вступаете на порог – можете выдохнуть: вы в безопасности. Всё просто.

Внутри нарастает тревога. Понимаю, что ничего не просто. Мы не на весёлых стартах. Интуиция вопит об опасности. Взгляд невольно цепляется за лес: темные деревья, густой туман, тени, которые шевелятся между стволами.

– Посмотрите вдаль, – снова звучит холодный и властный голос Кэдмона.

Я всматриваюсь во тьму. Сначала ничего не видно – только черная стена леса и белесые клочья тумана. Но вдруг вдали, среди деревьев, загораются фонари. Они мерцают, словно чьи-то глаза – желтые, тусклые, зловещие.

– Это ваш ориентир, – поясняет Кэдмон. – После этого испытания можете отдыхать до завтра.

Его медленные шаги приближаются ко мне. Я чувствую, как учащается пульс, как холод ползет по спине.

– Желаю удачи, – без эмоций произносит он.
Кэдмон останавливается прямо за мной.

– Хищные игры начались! – громко восклицает он, и его голос разносится над площадкой. – Вперёд к победе!

Участники срываются с места. Я на мгновение теряюсь, застываю на месте. И тут же, прямо над ухом, раздается вибрирующий шепот:

– Беги, Кира. Беги.

Стартую с места так стремительно, как никогда. Ноги сами несут меня вперёд. Перепрыгиваю бордюр, под подошву кроссовка попадает острый камень, больно вдавливаясь в ступню. Стискиваю зубы до скрипа, морщусь от боли, но не останавливаюсь.

Наклоняюсь, с усилием отодвигаю тяжелую, влажную от тумана еловую ветвь, ее иголки царапают руку. Оглядываюсь назад.

Сердце камнем падает в пятки, а глаза, кажется, готовы вылезти из орбит. Площадка позади пуста на ней стоит лишь одна фигура: Дэмиан. Он обнажен, его тело вырисовывается в свете луны четким силуэтом.

Его движения неестественные будто кто-то дергает за невидимые нити. Глаза светятся в преломлении лунного света, как два красных огня. Челюсть медленно выдвигается вперед, обнажая острые клыки. Голова судорожно подергивается из стороны в сторону, из горла вырывается низкий, звериный рык.

Постепенно его тело начинает обрастать шерстью – то ли коричневой, то ли серой, густой и лоснящейся в лунном свете. Пальцы скрючиваются, удлиняются, превращаясь в лапы,

а на концах вырастают длинные чёрные когти.

Я не верю своим глазам. Мозг отчаянно ищет объяснение: это глюк, плод воспаленного воображения, спецэффекты. Обратной не существует. Так ведь?

Тело не слушается – оно оцепенело. В ушах стоит пронзительный звон, заглушающий все остальные звуки. Я как замороженная смотрю на это немыслимое перевоплощение человека в зверя, и страх парализует каждую мышцу.

Чья-то ладонь резко хватает меня за запястье. От неожиданности вместо того, чтобы сгруппироваться и приготовиться к обороне, я вскрикиваю как девчонка.

– Бежим! – слышу голос Гарри. Его глаза смотрят на меня из-под еловой ветки. Сейчас они не кажутся маленькими, как обычно, а огромные, расширенные от ужаса, точно такие же, как и мои. Его рука дергает меня на себя:

– Кира, мать твою, очнись!

Гипноз, сковавший меня, тут же спадает. Я резко встряхиваю головой, отгоняя наваждение, и подныриваю под раскидистой сосной, погружаясь в темноту леса.

– Спасибо, – выдыхаю я, почти утыкаясь носом в широкую спину Гарри.

– Не за что, – бросает он на ходу, не оборачиваясь.

Переступаю через толстое, покрытое мхом бревно следом за своим неожиданным спасителем.

– Гарри, нам нужно бежать, – я проглатываю густой ком ужаса, застрявший в горле. – Ты тоже видел эту тварь?

Он останавливается и поворачивается ко мне лицом. Провески бледной луны подсвечивают красные буквы имени на его футболке, мерцают в его немигающих глазах.

– Видел, – тихо, почти шёпотом, отвечает он. – Нам пиздец, Кира. Нам полный пиздец.

– Это какая-то херня, – говорю, пытаюсь убедить в этом себя. – Оборотней не существует.

Я оглядываюсь по сторонам, лихорадочно пытаюсь понять, куда нам двигаться дальше. Сердце колотится в горле. В голове мечутся мысли: «Куда бежать? Что это вообще было?»

Замечаю впереди какое-то движение – среди темных стволов мелькает блондинистая голова.

– Нам туда, – бросаю я и осторожно двигаюсь вперед между деревьями. Ветви цепляются за одежду, корни норовят подставить подножку.

Гарри идёт следом. Его шумное, прерывистое дыхание раздаётся прямо за спиной.

– Что тогда это было? – не понимает он.

Не успеваю ответить – макушка цепляется за колючую ветку. Шершавая кора царапает кожу. Хватаюсь рукой за ссадину, потираю её, пытаюсь унять жжение.

– Оптическая иллюзия, чтобы запугать нас, – говорю я, но без особой уверенности.

– Слишком натурально выглядело... – хрипло отвечает Гарри.

Лес вокруг кажется живым: деревья словно подступают ближе, туман сгущается, скрывая тропу.

Слышу невнятный бубнеж голосов. Он то затихает, то снова нарастает, заставляя меня прислушиваться.

Осторожно переступаю сквозь переплетенные корни. Они выступают из земли неровными буграми, извиваются, словно щупальца огромного осьминога. Одно неверное движение и можно сломать ногу. Я обхожу их, стараясь не шуметь, но корни всё равно цепляются за подошвы ботинок.

Натыкаюсь на густой, колючий кустарник. В нём узкая прореха, кто-то недавно продирался здесь, ломая ветки. Протискиваюсь внутрь: острые шипы царапают руки.

Позади приглушенное ругательство Гарри, он тоже застрял в колючках, чертыхается, но упорно пробирается следом.

Я невольно выдыхаю: становится немного спокойнее. Знание, что сзади идет Гарри, даёт хрупкое ощущение уверенности. В случае нападения удар придется не сразу на меня. У меня будет несколько драгоценных секунд, чтобы сориентироваться и постараться спастись.

Перед взором открывается небольшая поляна, залитая бледным лунным светом. На ней стоят все мои соперники.

Они толпятся вокруг массивного поваленного дерева нервно оглядываются по сторонам.

Хмурюсь, не понимая, почему они всё ещё здесь. Я-то была уверена, что они уже добрались до финиша, до спасительных хижин. Осторожно направляюсь к ним. С каждым шагом чувствую на себе чей-то тяжелый взгляд. Ищу источник и встречаюсь глазами с Чейзом.

Он стоит, небрежно облокотившись поясницей о поваленное дерево, скрестив руки на груди. Его колючий, полный вызова взгляд буквально сверлит меня. Внутри вскипает раздражение. Не выдержав, я резко поднимаю руку и демонстративно показываю ему средний палец.

– Почему вы ещё здесь? – громко спрашиваю, подходя к Блейду.

Он стоит в центре столпившихся участников, выглядит сосредоточенным и настороженным.

Блэйд медленно поворачивает голову, смотрит на меня хмурым взглядом:

– Мы думаем, это подстава. Что за испытание такое – просто добраться до хижин? Скорей всего, за этим деревом, – он кивает в сторону чернеющего в темноте ствола, – напичкано куча ловушек. Может, растяжки, может, ямы с шипами, может, ещё какая-то хрень.

Перевожу взгляд на дерево. Его массивный ствол лежит поперек поляны, ветви раскинулись, корни торчат из земли,

как когти чудовища. В полутьме под мхом и листьями действительно может скрываться всё что угодно.

Моника стоит рядом, обхватив себя за плечи. Ее взгляд устремлен туда, где в отдалении мерцают тусклые желтые точки фонарей в чёрной бездне леса. Она тихо шепчет:

– Страшно-то как...

Я сглатываю, чувствуя, как в груди сжимается от воспоминаний о Дэмиане. Решаюсь рассказать, что мы видели с Гарри:

– Это ещё цветочки. То, что мы видели...

Но не успеваю договорить. Ночной лес пронзает протяжный, леденящий кровь вой. Он звучит так жутко, что мурашки бегут по коже, а волосы встают дыбом даже там, где их никогда не было.

– Вот это страшно! – выпаливаю я и не раздумывая срываюсь с места.

Толпа мгновенно приходит в движение. Все бросаются к поваленному дереву. Питр, ловкий и быстрый, с лёгкостью перемахивает через массивный ствол и тут же растворяется в темноте.

– Это что, волки? – дрожащим, скрипучим голосом спрашивает Виктор, неуклюже переваливаясь через препятствие.

– Хуже, – коротко бросаю я, не оборачиваясь.

Гарри, предугадав мои действия, без лишних слов подхватывает меня под зад и помогает перепрыгнуть через дерево.

– Спасибо! – кидаю я.

Вой раздается еще ближе. Теперь он сопровождается зловещим хрустом веток, будто кто-то огромный продирается сквозь чащу, ломая всё на своём пути. Адреналин ударяет в кровь, сердце колотится как бешеное, заставляя тело двигаться быстрее, бороться за жизнь. Игроки один за другим перепрыгивают через ствол – кто-то спотыкается, кто-то охает, но все бегут вперед.

Внезапно раздается язвительный голос бегуны Саши:

– Вам конец, неудачники! Тут важна скорость, а вы только и можете, что кулаками махать! – она резко срывается с места, обгоняет меня и, обернувшись, выкрикивает с издевательской ухмылкой: – Желаю вам сдохнуть!

Внутри всё закипает от ярости. Если бы у меня сейчас было копье, я бы метнула его прямо в эту высокомерную, заносчивую суку.

– Гарри, – на мгновение замедляюсь, хлопаю его по плечу, – надеюсь, мы с тобой ещё встретимся. Но в этой игре... каждый сам за себя.

Он коротко кивает и слегка толкает меня в спину:

– Побежали!

Я бегу, не жалея лица. Ветки хлещут по нему, но я не чувствую боли – адреналин заглушает всё. Вой раздается где-то за спиной, и кровь стынет в жилах. На бегу решаю оглянуться на мгновение – и удивляюсь: Гарри бежит практически не отставая. Несмотря на свою тучность, он оказался подвижным и выносливым.

– Гарри, ты молодчина! – выкрикиваю сквозь сбивчивое дыхание.

Поворачиваю голову обратно – и тут из-за дерева передо мной внезапно выглядывает Чейз. Он растягивает беззубую улыбку и ловко выставляет подножку. Не успеваю затормозить: спотыкаюсь, теряю равновесие и лечу вперёд, инстинктивно выставляя руки перед собой. Пара секунд полёта – и я впечатываюсь ладонями в мох, перемешанный с мягкой землей. Мелкие ветки и камни впиваются в кожу, пронзая ключей болью.

– Ну что, сука, я предупреждал тебя, – шипит Чейз, нависая надо мной.

Слышу тяжелое дыхание Гарри.

– Оставь её, ублюдок! – громко выкрикивает он.

Я резко вскакиваю на ноги. Чейз, не ожидавший от меня такой прыти, отскакивает назад, растерянно моргая. Гарри хватает меня под руку и, запыхавшись, еле проговаривает:

– Давай... Кира... Он... он сзади...

Хруст веток. Утробное, низкое рычание. Быстрое, шумное дыхание. Чейз, услышав это, мгновенно ретируется, уносясь куда-то в сторону, словно его и не было.

А мы стоим с Гарри, вцепившись друг в друга, и смотрим на то, что приближается к нам сквозь туман и мрак. Моё сердце, разогнавшись до скорости гоночного болида, гонит адреналин по венам. Я чувствую пульс даже на кончике языка. Рука Гарри дрожит, удерживая мою.

Из густого, стелящегося по земле тумана, словно сотканного из ночных кошмаров, появляется монстр. Он материализуется так внезапно, что сердце замирает, а дыхание перехватывает.

Луна светит чётко на него, заливая бледным светом коричнево-серую шерсть, которая кажется влажной. Зверь ростом метра два, с когтистыми длинными лапами, стоит на двух ногах – не как зверь, а почти как человек. Его массивные плечи ходят ходуном от тяжёлого дыхания, а из длинной морды вместе с хриплым рыком вырываются клубы пара. Острые уши, нервно дёргаются, улавливая каждый шорох, каждый стук нашего перепуганного сердца.

Оборотень мечет глазами: то смотрит на нас – в его взгляде читается голод и жестокая забава, то куда-то вперёд, будто прикидывает, стоит ли тратить время на мелкую добычу или есть что-то поважнее. Оскал поднимает брыли, обнажая

длинные, острые клыки. Они блестят, как отточенные ножи, в холодном свете луны. Тварь пригибает переднюю часть тела, почти становится на лапы, как перед смертоносным броском.

Я мысленно начинаю прощаться с жизнью. Время будто останавливается. Мы стоим, не шевелясь, даже дышать перестали.

Монстр делает резкий выпад, челюсти щелкают, а затем он произносит демоническим, рычащим голосом, от которого кровь стынет в жилах:

– Мне нужен самый быстрый зайчик.

Моё горло стягивает тугим узлом страха, что невозможно ни вздохнуть полной грудью, ни проглотить колющий ком, застрявший в глотке. Воздух кажется густым и тяжелым.

Порыв холодного ветра приподнимает шерсть на загривке оборотня. Она встаёт дыбом, ошетилившись, как у разъяренного волка. Ветер доносит до меня резкий звериный запах – терпкий, мускусный, запах псины. Он ударяет в нос, проникает в лёгкие, заставляя сердце биться чаще, а кожу покрываться мурашками.

Секунда и в следующий миг он срывается вперед пружинистым, неуловимо быстрым движением. Мощная фигура проносится мимо, с треском ломая густой куст на своем пути. Ветви разлетаются в стороны.

– Это наш шанс! – с трудом выдавливаю я, голос дрожит.

– Бежим, Гарри!

– Бежим! – хрипло откликается он.

Слышу, как он судорожно вдыхает.

Мы срываемся с места одновременно. Ноги путаются в выступающих корнях, скользят на мшистых кочках. Гарри держится рядом: его тяжёлое дыхание отдаётся эхом в моей голове. Туман вокруг сгущается, ветви цепляются за одежду, но мы бежим, потому что остановка означает смерть.

Впереди, сквозь колыхающийся туман и переплетение тёмных ветвей, наконец виднеются деревянные хижины. Фонари подсвечивают их тёплым жёлтым светом. Свет пробивается сквозь мрак, как обещание спасения в этом адовом лесу.

Мы с Гарри обгоняем кого-то из участников. Я на адреналине даже не разбираю, кто это и сколько их. Силуэты размываются перед глазами: кто-то спотыкается, кто-то хрипло дышит, кто-то кричит. Всё слилось в один поток теней и звуков.

Тело работает на пределе: мышцы горят огнем, легкие разрываются от нехватки воздуха, сердце колотится так, что отдаётся в висках. Но я продолжаю бежать, почти не чувствуя ног, инстинкт самосохранения берет верх над усталостью.

У нас с Гарри, видимо, открылось второе дыхание. Или даже третье – запущенное тем первобытным ужасом, в который я до сих пор не могу поверить. Разум всё ещё пытается

осмыслить произошедшее: монстр, его демонический голос, погоня...

Тело бежит к свету, к хижинам, к спасению, ведомое одним единственным желанием: выжить.

Крайний домик слева – на двери красным чётко написано моё имя. Домик Гарри – через два от моего. До них остаётся примерно сто метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.